

# DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Кладбище  
Кроссбоунз

Кейт Родс

## Annotation

Элис Квентин, в прошлом жертва семейного насилия, до сих пор испытывает серьезные психологические проблемы. Она не только борется с ними, но и помогает другим людям – для того и стала психотерапевтом. Единственный человек, которому Элис никак не может помочь, – ее собственный брат, чья психическая болезнь усугубляется приемом наркотиков. В последнее время его поведение стало особенно странным, с ним явно происходит что-то зловещее. Но это еще не самое страшное. Один за другим Элис находит два женских трупа, словно специально подкинутых так, чтобы именно она их обнаружила...

---

---

# Кейт Родс

## Кладбище Кроссбоунз

Kate Rhodes

Crossbones Yard

© Kate Rhodes 2012

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

\* \* \*

*Посвящается всем женщинам, похороненным на кладбище  
Кроссбоунз*

*Мать держит меня за руку слишком крепко. Хнычу и отчаянно цепляюсь за ее платье, потому что знаю, что будет дальше. Она смотрит так, словно забыла, как моргать. Потом заталкивает меня в шкаф под лестницей, и я больше не вижу ее лица.*

*– Ни звука! – шипит она. – И не смей дышать!*

*Ключ поворачивается в замке, плотным одеялом накрывает темнота. Если повезет, он не найдет меня, сжавшись в комок на полу между веником, швабрами и грудой старых резиновых сапог.*

*Отец все ближе и ближе. Даже его тяжелая поступь по вытертому линолеуму звучит зловеще. Он бродит по всему дому, ища, на ком можно выместить свой гнев. Сейчас он так близко, что я ощущаю его запах. Запах виски, смешанный со сладковатым духом хереса, который он прячет в гараже, и запах еще чего-то, горького и непонятного. В щели яркими иглами впиваются солнечные лучи. Повсюду пыль. Когда я встаю, черная школьная юбка оказывается серой. Завтра я выйду к завтраку, и он будет орать на меня. Знаю, что он скажет. Обзовет неряхой, которой должно быть стыдно. Шаги удаляются. Можно вздохнуть.*

*В дырочку от выпавшего сучка видна гостиная. Мать молчит, а отец ждет, когда она пошевелится или начнет спорить. Ему нужен повод пустить в ход кулаки. Мой рот полон пыли. Закрываю глаза и пытаюсь сглотнуть. Когда я снова открываю их, вижу, что мама схвачена. Схвачена отцом за плечи, и ее руки безвольно свисают вниз.*

*Тем временем брат пытается вжаться в стену, оклеенную обоями в цветочек. Кто знает, о чем он думает. Его лицо перекошено не то гримасой испуга, не то кривой улыбкой. Отец лупит мать кулаками по рукам, по ребрам, бьет в живот. Завтра она подкрасит губной помадой губы и как обычно пойдет на работу. Соседи и на этот раз ни о чем не узнают. Но однажды отец пойдет слишком далеко. «Скорая помощь» увезет ее в больницу, и никто не вспомнит, что меня нужно выпустить.*

*Сильнее всего меня пугает выражение лица брата. Оно спокойное, словно он смотрит любимую телепередачу. Шкаф уменьшается в размерах, и через несколько секунд мне уже не хватит воздуха. Хочется выбежать на свет, но приходится оставаться здесь до тех пор, пока отец не уgomонится. Из-за двери слышны глухие удары отцовских кулаков. Мать изо всех сил сдерживает слезы, но иногда ей это не удается, и с губ слетают сдавленные стоны. Брат все так же вжимается в стену, фиксируя в памяти действия отца.*

*Звуки избиения стихли. Он оставил мать, но я знаю, что будет сейчас. Отцовские шаги возвращаются. Он знает все тайные места в доме. Он отобрал у матери ключ, и ему глубоко плевать на мои мольбы.*

*– Рева-корова, – говорит он и бьет меня с еще большим остервенением.*

# Глава 1

Не отваживаясь войти внутрь, я заглянула в металлический ящик. Знакомый запах больничных лифтов: запах жидкого мыла и антисептика с примесью мочи и страха. Однажды я заставила себя преодолеть в нем путь до двадцать четвертого этажа, чтобы попасть в отделение психологии. Прodelала его с закрытыми глазами и задержав дыхание.

Не из-за скорости, из-за тесноты. Здесь мало воздуха и нет выходов, через которые можно спастись, если что. Придержав рукой дверь, я заставила себя войти. Волна паники тотчас же накрыла меня с головой, и я почувствовала под грудной клеткой выброс адреналина. С зеркала на противоположной стене на меня глядело отражение. Лицо белое как мел, в глазах застыл страх. Очень похожа на маленькую светловолосую девочку, нарядившуюся в самое красивое платье матери.

Пятясь, я вышла из лифта. Двери с лязгом захлопнулись, едва не прищемив пальцы. Теперь мне не оставалось ничего другого, как зашагать вверх по лестнице, преодолевая двести семьдесят восемь ступенек. На каждой лестничной площадке таблички. Все они давно отпечатались в моей памяти: онкология, урология, ортопедия, рентген. Но, по крайней мере, ежедневный подъем наверх поддерживает меня в хорошей физической форме – при размеренном шаге я преодолеваю этажи меньше чем за шесть минут.

Я изрядно запыхалась, когда наконец вошла к себе в кабинет; перед первым приемом оставалось всего несколько свободных минут. Переобулась, сменив кроссовки на приличную пару туфель на каблучке. Одно из неписаных правил психотерапевта: если хочешь убедить пациентов в том, что окружающий мир безопасен и упорядочен, нужно быть хорошо одетым. Как оказалось, переобувалась я зря.

К экрану компьютера была прилеплена записка, в которой сообщалась, что мой утренний прием отменяется и через час заедет офицер полиции. На секунду у меня подкосились ноги. Я тотчас же представила себе брата, запертого в камере предварительного содержания, каким видела его в последний раз. Тогда он сыпал проклятьями в адрес любого, кто осмеливался задать ему вопрос или даже предложить чашку чая. Потом вспомнила, что на этой неделе мое имя стоит в расписании дежурств городской полиции, и мой пульс снова пришел в норму.

Электронный почтовый ящик был забит новыми сообщениями: приглашение выступить в апреле на заседании Британского общества психотерапевтов, восемь направлений от терапевтов, десятки рассылок от фармацевтических компаний, предлагавших безумные взятки. По идее, следовало просмотреть истории болезней, но мой взгляд то и дело обращался к окну. Небо было белым и по-январски тоскливым, но вид из окна оставался все таким же потрясающим. Вокзал у Лондонского моста напоминал игрушечную железную дорогу, куда постоянно прибывает и откуда отъезжает около десятка поездов. Чуть восточнее, изгибаясь под Тауэрским мостом в направлении Кэннери-Уорф, несла свои бурые воды Темза. На крышах банков светились красные огоньки, а ниже банковские служащие мухлевали с деньгами. В противоположном направлении вдоль реки теснились ряды офисных зданий высотой почти с собор Святого Павла. Для девушки из пригорода это самое шикарное зрелище в мире.

Вскоре после десяти по коммутатору сообщили, что в приемной меня дожидается посетитель. Спустившись на первый этаж, я увидела возле входа необъятного мужчину в

светло-сером костюме. На расстоянии он казался абсолютно круглым.

– Доктор Квентин? – Для человека столь внушительных габаритов он приблизился ко мне с поразительной грацией. – Старший инспектор Дон Бернс из полицейского управления Саутварка. Спасибо, что уделили время.

У него странный говор – смесь простонародного диалекта Южного Лондона и утонченного эдинбургского. Из-за толстых стекол очков в черной оправе на меня смотрели маленькие, но пытливые глаза, а круглое бледное лицо напоминало луну.

Я ответила вежливой улыбкой, но меня так и подмывало напомнить этому Бернсу, что у меня нет выбора. Наше отделение обязано помогать полиции в проведении медико-психологических экспертиз. Считалось, что любую другую работу, сколь бы важной та ни была, можно отложить на потом.

Мы вместе вышли на автостоянку, где старший инспектор в течение нескольких минут пытался втиснуться между сиденьем и рулем грязноватого синего «Мондео». Салон вонял затхлым кофе, фритюром и табачным дымом. Должно быть, по пути ко мне инспектор заехал подкрепиться в «Макдоналдс», после чего наспех курнул.

– Вы могли бы и не заезжать за мной. Я и сама пришла бы в участок, – заметила я.

– Мы поедем не туда. Я отвезу вас в другое место.

И Бернс покатил на юг, чертыхаясь себе под нос в адрес потока машин на Боро-Хай-стрит. Похоже, что, следя за дорогой, он забыл о моем присутствии и вспомнил лишь на набережной.

– Старший инспектор уголовного розыска. Это ведь высокий чин, верно? – спросила я.

Бернс по-прежнему не сводил глаз с дороги.

– Не очень. Я отвечаю за безопасность в моем районе.

– Большая ответственность. Неужели никто из ваших подчиненных не мог заехать за мной?

– Я никому не хотел это поручать, – ответил Бернс. Мы проехали мимо электростанции в Баттерси, похожей на опрокинутый вверх ножками гигантский бетонный стол. – Мы едем на встречу с Моррисом Клеем. Слышали о таком?

– Краем уха. Он, кажется, кого-то убил?

– Верно, – хмуро подтвердил Бернс. – Четыре года назад в Бермондси проститутку по имени Джинни Андерсон. Завтра выходит из Уэндвортской тюрьмы на свободу. Какой-то ушлый адвокат сумел ровно наполовину скостить ему срок.

– На каком основании?

– На том, что якобы нет надежных улик, – вздохнул Бернс. – Полная чушь. Ему удалось убедить судью, что у Клея якобы были трудности с обучением.

– Но на самом деле все не так?

– Нет, конечно. – Бернс со злостью посмотрел на дорожную пробку впереди. – Этот скользкий ублюдок притворяется дурачком, но на самом деле водил нас за нос. Хочу проверить, насколько зорко придется за ним следить.

– Похоже, он не из числа ваших любимчиков.

– Точно. Этот Клей – хитрюга еще тот. – Бернс сердито щелкнул индикатором, будто хотел вырвать его с корнем и вышвырнуть в окно. – Хотите знать, с кем водила дружбу его мать?

– Хочу. И с кем же?

– С Рэем и Мэри Бенсон.

Я не сразу нашлась с ответом. Слышала о Бенсонах: один мой друг из муниципальной клиники Модсли был психологом-консультантом по этому делу. Рэй и Мэри несколько месяцев оставались главной пищей многих таблоидов. Фото убитых ими девушек украшали первые полосы всех газет, словно они кинозвезды. Некоторых нашли зарытыми во двореке принадлежавшего Бенсонам хостела, рядом с Саутварк-Бридж-роуд. Еще одну обнаружили в саду, другую в дымовой трубе, еще нескольких – на пустыре. Любой, кто в те дни читал газеты или смотрел телевизор, знал – причем больше, чем хотел, – о любимом занятии этой омерзительной парочки.

Тем временем в окне машины показался парк Уэндворт-Коммон. Как обычно, по дорожкам прогуливались мамы с колясками. По периметру парка нарезали круги любители бега трусцой, не имея, видимо, никаких других дел.

– Вам доводилось бывать в Уэндворте? – поинтересовался Бернс.

– Не имела удовольствия.

– Настоящий рай, – пробормотал старший инспектор. – Полторы тысячи гавриков, сидящих на всех мыслимых видах наркоты.

Тюрьма являла собой странный гибрид готического замка и викторианского рабочего дома. Замызганные окна, а ворота такие огромные, что в них без труда проедет фура. Здание почти заслоняло небо.

– Добро пожаловать в самую большую каталажку Англии. – Бернс небрежно взмахнул на входе удостоверением, и дежурный охранник жестом пропустил нас на территорию.

В комнату для допросов вел коридор длиной едва ли не в милю. Когда-то давным-давно потолок и стены здесь были белыми. Вскоре я пожалела, что не надела утром чего-то попроще. Юбка была слишком узкой и стесняла движения, каблуки щелкали по выложенному плиткой полу, как кастаньеты. По лицу моего спутника градом катился пот.

– Этого подонка сейчас держат в Онслоу, – пыхтя, пояснил Бернс, – ради его же собственной безопасности. Завтра этот типчик получит не слишком-то много пожеланий доброго пути.

– Как он убил эту девушку? – уточнила я.

– Это невозможно описать нормальными словами, – ответил Бернс и вытер лицо большим белым носовым платком. – Короче, он трахнул ее и...

– Между ними что-то было?

– Боже упаси, нет, – Бернс был потрясен моим вопросом. – Этот тип утверждает, что, мол, они были любовниками, но вы сами увидите, что он врет.

– Да, будет интересно взглянуть.

Бернс мясистым указательным пальцем подтолкнул очки выше к переносице.

– Кстати, она была чем-то похожа на вас, – взгляд старшего инспектора задержался на мне. – Миниатюрная, зеленые глаза, светлые волосы до плеч.

– Хотите сказать, я в его вкусе?

– Боюсь, да.

\* \* \*

В коридоре наши шаги сделались громче. Я всегда ненавидела тюрьмы. В них буквально все вызывает непреодолимое желание броситься вон. Особенно тюремные звуки. Лязганье

ключа в замочной скважине слышно за миллю.

Как только Морриса Клея ввели в комнату для допросов, мне стало ясно, почему ему приходилось платить за секс. Серые волосы торчали в разные стороны неопрятными ключьями. Буквально все на его лице было каким-то не таким. Чересчур массивные надбровья, слишком глубоко посаженные глаза непонятно какого цвета. Судя по нездоровому цвету кожи, он уже много недель не выходил на свежий воздух.

Мы обменялись рукопожатиями; Моррис Клей задержал мою ладонь в своей на пару секунд дольше необходимого. Его прикосновение было противным и липким. Мне захотелось выбежать вон, чтобы хорошенько сполоснуть руки.

– Здорово, Моррис! – рявкнул Бернс со своего места в углу.

Клей нахохлился, подняв узкие плечи едва ли не до ушей, глаза забегали с пола на окно и обратно. Он осторожно опустился на пластмассовый стул, будто опасался, что тот под ним взорвется.

– Я слышала, что завтра вы возвращаетесь домой, – произнесла я.

– Нет у меня никакого дома, – ответил Клей. Голос высокий и надрывный; казалось, ему не хватало воздуха.

– Чушь! – оборвал его Бернс. – Вернешься к своей мамочке.

– Она умерла, – нахмурился Клей.

– И давно вы лишились матери? – уточнила я.

Мой вопрос, видимо, застал его врасплох; прежде чем ответить, он принялся медленно высчитывать что-то на пальцах.

– Пять месяцев, одну неделю и два дня назад.

– Я сочувствую вам, поверьте, – сказала я. Он продолжал изучать свои тонкие пальцы с узловатыми суставами.

– Так как, Моррис, ты раскаиваешься? – спросил Бернс ледяным тоном, способным заморозить все вокруг. – Ты сожалеешь о том, что сделал?

Реакция на вопрос последовала незамедлительно. Голова Клея поникла чуть ли не до колен, будто кто-то перерезал нитку, которая держала ее прямо.

– Это не я, – прошептал он. – Я даже не прикасался к ней.

– Прекрати! – раздраженно прошипел Бернс. – Я устал от твоего вранья!

Я по-прежнему сохраняла спокойствие. Мне проще понять сущность Клея, наблюдая за его реакцией, чем задавая вопросы. Все его тело сотрясала дрожь, взгляд устремился в пол. На грязный линолеум упала слезинка.

– Только, пожалуйста, без сцен, Моррис, – проскрипел старший инспектор. – Мне это еще в первый раз до чертиков надоело.

Когда Клей наконец поднял голову, на его лице читалась смесь страха и презрения. Он походил на ребенка, который скорее убежит, чем позволит, чтобы ему снова устроили трепку.

– Расскажите, что случилось с вами, Моррис, – тихо попросила я.

– Джинни была моей подружкой. Я даже иногда давал ей деньги. Хотел, чтобы у нее были красивые вещи.

Стоило Клею заговорить о Джинни, как его фальцет сделался не таким писклявым.

– Как долго вы были знакомы с ней?

Клей, прежде чем ответить, задумался.

– Давно. Я виделся с ней каждую неделю. Просил ее стать моей подружкой.

– И что она на это ответила?

Его голова снова поникла, и на колени тюремного спортивного костюма упала новая слеза.

– Она сказала, что недостойна меня, – произнес Клей, пытаясь успокоиться, и потер кулаками глаза.

– Но вы с этим не согласились, верно?

Моррис Клей яростно мотнул головой.

– Она любила меня. Я знаю, что любила, потому что иногда оставляла с собой спать.

Бернс шумно вздохнул, и Клей тут же замолчал. Ворот его футболки был черен от грязи, и я подумала, что он опасается лишней раз заглядывать в душ.

Неудивительно, что его содержат под усиленной охраной. Моррис Клей – типичная жертва. Да у него это на лбу написано. Светится, как неоновая реклама.

Мы с Бернсом встали, чтобы уйти, и взгляд Клея задержался на моем лице.

– Элис Квентин, – медленно повторил он мое имя, пытаясь запечатлеть его в памяти.

\* \* \*

На обратном пути Бернс остановился возле какой-то дешевой закусочной на Уэндворт-роуд.

– Вы ему явно понравились, – прокомментировал мой спутник. – Знаете, вы себя отлично держали. Некоторые из моих девчат боятся оставаться с Клеем в одной комнате. Говорят, мурашки по спине.

Бернс заказал себе большую порцию черного кофе, и меня так и тянуло посоветовать ему отказаться от кофеина: его сердцу и так тяжело от избыточного веса, зачем же еще подстегивать его всякой химией. Но я вовремя прикусила язык. На лбу Бернса выступили крупные капли пота: наверное, сидеть ему так же тяжело, как стоять или ходить. Разговор в комнате для допросов позволил мне узнать о личности Бернса даже больше, чем о Моррисе Клее. Зацикленность, отчаянные попытки сопереживания, зашкаливающий уровень стресса.

Я размешала сахар в чашке с капучино.

– Какой у Клея коэффициент умственного развития?

– Меньше пятидесяти, но это ни о чем не говорит. Он привык прикидываться дурачком.

– Вы мне сказали, что у него не было трудностей с обучением.

– Не иначе, этот засранец смухлевал во время теста, – пожал плечами мой собеседник.

– Но вы уверены в том, что он убил девушку, так ведь?

Бернс энергично кивнул, тряхнув двойным подбородком.

– Его вина неоспорима. В ней обнаружили его сперму, и, понятное дело, присяжные единодушно признали его убийцей.

– Какие-то другие доказательства были?

– Он был ее последним клиентом. – Бернс смерил меня долгим немигающим взглядом – коронным взглядом лжецов. – Поверьте, тут двух мнений быть не может.

– Верно, – согласилась я. Мой собеседник поспешил отвести взгляд.

– Ладно, ладно. Согласен. Что касается данных судмедэкспертизы, тут действительно есть о чем поспорить. Но у Клея не было алиби, ничего такого, чем он мог бы защитить себя.

– Из этого следует, что он виновен?

– При всем уважении, доктор Квентин, сделанного не воротишь. Мне же нужно знать

одно: должен ли я держать его под колпаком после того, как завтра его выпустят на свободу.

– И если он еще кого-нибудь убьет, вы всегда сможете обвинить меня в профнепригодности.

Бернс скривил крошечный рот – то ли в раздражении, то ли от удивления.

– На основании получасового наблюдения, – продолжила я, – могу сказать, что да, у него имеются трудности с обучением, ибо его умственное развитие остановилось на уровне семи-восьми лет. Возможно, у него клиническая депрессия и он все еще тяжело переживает смерть матери. Не думаю, что в данный момент он представляет угрозу для кого-либо.

– Вы в этом уверены?

– За исключением самого себя, когда он поймет, что никому не нужен.

– Сердце обливается кровью, – Бернс с тяжким вздохом встал.

Мы вернулись на больничную автостоянку в полпервого. Отстегивая ремень безопасности, я поймала взгляд его глаз-бусинок.

– Я снова приглашу вас для консультации, доктор Квентин.

– Зачем?

– Потому что вы не порете херню.

– Видимо, это комплимент.

– Именно. В прошлом году мы попросили помощи у одного светила из Модсли. Так он только блистал интеллектом и грузил профессиональным жаргоном. – Губы Бернса дернулись, точно он проглотил что-то кислое.

Я проводила взглядом синий «Мондео», ловко выехавший с битком забитой стоянки. Человек за рулем мастерски с ним управлялся.

\* \* \*

В этот день я приняла трех пациентов. Первый имел проблемы с управлением гневом, второй страдал агорафобией, а третья – девушка по имени Лора – запущенной формой анорексии, так что я решила сразу же ее госпитализировать, но свободных коек в больнице сразу не нашлось. В шести палатах отказали, но потом одна медицинская сестра наконец уступила моим увещаниям и согласилась придержать освобождающуюся завтра койку для несчастной. Закончив последний прием, я проверила электронную почту. В почтовом ящике меня ждали сто тридцать шесть посланий, все как одно помеченные красными флажками. Они буквально вопили, требуя срочного ответа. Я могла просидеть на работе до полуночи и все равно не успела бы ответить всем.

В семь вечера сняла туфли, переоделась в спортивный костюм и натянула кроссовки, предвкушая лучшую часть дня. Сбежала по лестнице с такой скоростью, что мне казалось, словно я лечу: за шаг преодолевала три ступеньки. От морозного воздуха тотчас перехватило дыхание. В темноте возвращались домой жители пригородов, засунув руки в карманы и съезжившись от холода. Стоило мне добежать до набережной, как стресс тяжелого дня как рукой сняло. Мимо корабля «Белфаст» я уже летела стрелой. При этом почему-то не давал покоя вопрос: неужели есть желающие подняться на его борт? На рекламных плакатах и без того все видно. Тесные каюты, в которых матросы спят на узких койках, расположенных одна над другой, словно полки с посудой в кухонном шкафу. Чтобы испытать приступ клаустрофобии, достаточно пробыть в такой конуре секунд десять.

Я чередовала темп. Пробежав сотню метров ленивой трусцой, переходила на быстрый бег, пока мои легкие не начинало жечь огнем. Так пробежала мимо огромных складов викторианских времен, которые теперь стали дорогими ресторанами. Добежав до Чайна-Уорф, посмотрела на часы. Оказалось, что бегу вот уже двадцать минут. Я остановилась возле ограды, чтобы немного отдышаться. Вода выглядела черной и маслянистой, огоньки речных трамваев высвечивали мусор и нефтяные разводы. Одному богу известно, сколько тайн скрыто на дне Темзы.

На приятном взводе от выброса эндорфинов – спасибо матери-природе, что награждает нас за труды, – я медленно затрусилась домой.

Микроавтобуса «Фольксваген», принадлежащего моему брату Уиллу, рядом с домом не увидела. Обычно он занимает мое парковочное место на Провиденс-сквер. Не иначе как Уилл решил сменить место и теперь его фургон стоит под чужими окнами.

Дверь в подъезд как всегда стояла открытой. Женщина со второго этажа занимается иглоукалыванием на дому, и ее клиенты никогда не закрывают за собой. Я поднялась на третий этаж и вошла в квартиру. Автоответчик встретил меня мигающим красным глазком.

«Хочу узнать, виделась ли ты с братом, – раздался голос матери, прозвучавший как-то нервно. Впрочем, она тотчас вернулась к ледяному спокойствию: – Перезвоню завтра. На ужин пойду к Филипсам».

Второе и третье сообщения были от Шона.

«Могу думать только о тебе в моей постели в красных чулках. – Вздох. – Позвони мне, Элис, как только услышишь это».

Удалив сообщения с автоответчика, я исследовала содержимое холодильника. Не густо: булка с просроченной датой, катышек моцареллы, полплитки шоколада. Я быстро нарезала несколько вяленых помидоров, шлепнула на кусок черствого хлеба ложку песто<sup>[1]</sup>, положила сверху ломтики сыра и засунула в микроволновку.

Свернувшись клубочком на диване, принялась планировать вечер. Отключу мобильник, залезу с шоколадкой в ванну и хотя бы раз лягу спать одна.

## Глава 2

Когда я проснулась, несъеденный ужин так и пребывал на кофейном столике. В дверь квартиры кто-то стучал. Негромко, но настойчиво. Пришедший явно не собирался уходить. Когда я наконец открыла дверь, то увидела на пороге Шона. В руках он держал охапку подсолнухов и пакет с готовой едой.

Одарив меня долгим поцелуем, проследовал на кухню. В такого невозможно не влюбиться. Высокий, голубоглазый, стройный, аккуратный, тридцати двух лет от роду, мой ровесник. Не знаю, почему я всегда злюсь на себя за то, что при виде его во мне неизменно просыпается похоть.

– Я ждал, что ты позвонишь мне, Элис, – пожурил Шон, вываливая подсолнухи на стол.

– Хотелось провести вечер дома. Кстати, который час?

– Полдевятого, – ответил он и кисло улыбнулся: – Да, с тобой нелегко. Не знай я тебя, наверняка подумал бы, что ты воротишь от меня нос.

Я посмотрела на шершавые мордашки подсолнухов.

– Интересно, где это они растут в январе?

– Где-то далеко, куда нужно лететь самолетом неприлично большое количество миль.

– Ты негодяй. Дай-ка я приму душ, а потом постараюсь не грубить.

Горячая вода вернула миру реальные очертания, и я снова почувствовала себя человеком.

Когда выскользнула из купального халата, Шон стоял возле двери, пожирая меня глазами.

– Можешь не одеваться ради меня.

Я пропустила его слова мимо ушей и натянула джемпер и джинсы.

На кухне он выложил на тарелки содержимое пакета.

– Вьетнамская, моя любимая! – воскликнула я, радостно потирая руки.

– Бульон, рис и утка в имбирном соусе.

– М-м-м, как вкусно! Божественно!

Утка оказалась выше всех похвал, перчики чили приятно обжигали язык. Шон с интересом наблюдал за тем, как я расправляюсь с горой еды.

– Как ты ухитряешься оставаться такой стройной, Элис?

– Повезло с генами, – ответила я, откладывая в сторону палочки для еды. – Чем ты занимался сегодня?

– Тем же, что и всегда, – Шон пожал плечами. – Резал людей, снова их зашивал, слушал Марвина Гэя<sup>[2]</sup>.

– Бит мотауна<sup>[3]</sup> помогает кромсать людей?

– Прекрасно обхожусь без стимуляторов, доктор Квентин, – ответил Шон и, оттолкнув тарелку, улыбнулся: – Ты вправляешь мозги, я режу. У каждого своя работа.

– Ты ушел в нее с головой, только и всего.

Шон посмотрел на часы.

– Верно. И это серьезная проблема.

– Неужели?

– Дело в том, что у меня сегодня ночное дежурство, так что у меня мало времени на то, чтоб тебя порадовать.

Я закатила глаза:

– Да можно и не радовать.

– Но так же нечестно. Я ведь пробудил в тебе надежду.

В следующую секунду он встал и, положив мне на спину руку, подтолкнул в направлении спальни. Я открыла было рот, чтобы сказать «нет», но промолчала. А зря.

– Могу раздеть за три секунды, – пробормотал Шон.

– Не надо, – ответила я, стягивая джемпер через голову. – Всегда раздеваюсь сама.

Первый раз прошел быстро. Второй получился более медленным и вдумчивым. Шон прирожденный выпендрожник; он досконально изучил вопрос и теперь мастерски владеет всеми надежными способами довести женщину до оргазма. Вскоре губы мои горели – и от жгучего перца чили, которым сдобрили утку, и от щетины, оцарапавшей мне лицо.

– Сколько я уже встречаюсь с тобой? – спросил он, перекатываясь на бок и глядя мне в глаза.

– Несколько недель.

– Дольше, Элис. Не меньше трех месяцев.

Я слегка запаниковала. Этак дело скоро дойдет до того, что он предложит вместе провести отпуск или познакомиться с его родителями.

– Послушай, тебе не кажется, что все это потихоньку выходит из-под контроля?

Он снова поцеловал меня.

– Абсолютно. Восхитительно выходит из-под контроля.

В следующее мгновение Шон вскочил на ноги и принялся собирать разбросанную по всему полу одежду. Пока он натягивал джинсы, я поймала себя на том, что люблю тугими мускулами его спины.

В десять за ним захлопнулась дверь, я же продолжала лежать, разглядывая потолок. Мое тело наполняла приятная истома, чего никак нельзя было сказать про голову.

\* \* \*

В шесть утра я подскочила в постели, слыша, как гулко бьется мое сердце. Кто-то яростно колотил во входную дверь. Я почему-то подумала, что это Шон вернулся за новой порцией секса, но потом поняла, что такой грохот ранним утром мог устроить только один человек. Мой брат.

Да, это Уилл. Клацая от холода зубами, он дрожал под дверью в одной тонкой рубашке. Зрачки расширены, зеленые глаза почернели.

– Ты заперла дверь, – пробормотал он.

– Заходи, Уилл.

– Не делай этого, Элис, никогда не делай.

– Хорошо, дорогой, не буду. Заходи.

– Люди могут подумать, что ты им не рада.

– Тебе я, конечно, всегда рада. Заходи, не то простудишься.

Мне не сразу удалось заманить его в прихожую, но я знаю, что в таких случаях его лучше не трогать. При верхнем свете кухни я разглядела его ближе: Уилл выглядел хуже, чем в прошлый раз. Небритый, щеки запали, на верхней губе большая ссадина. Лицо подергивается, губы растянуты в оскале, как у Джокера из фильмов про Бэтмена. Одному богу известно, что он принимал все это время, – наверное, сидел на кетамине. Причем в таких количествах, что теперь каждый его нерв превратился в оголенный электрический

провод. Уилл открыл кран и, подставив рот под струю воды, принялся жадно ее глотать. Порывшись в шкафчике с припасами, я нашла лишь упаковку риса и кукурузных чипсов. Протянула ему чипсы. Он тут же разорвал пакет и сунул в рот целую пригоршню.

– Где твои ключи, Уилл?

Он не ответил мне – набил рот. Тогда я осторожно приблизилась к нему, достала ключи из кармана рубашки и потрясла перед его лицом.

– Смотри, вот они. Ты мог бы сам открыть дверь. Я никогда не запираюсь от тебя.

Должно быть, я подошла к нему слишком близко или мой тон напугал его. Уилл вздрогнул и, рассыпая по всему полу чипсы, набросился на меня с кулаками. Я выбежала из кухни в прихожую, оттуда на лестничную площадку и захлопнула за собой дверь. Быстро вставив ключ в замочную скважину, замкнула входную дверь и прислонилась к ней спиной, чтобы отдышаться. В следующую секунду Уилл уже колотил в дверь на уровне моей поясицы. Подождала, когда он устанет и немного успокоится. Наконец удары прекратились, и я спустилась вниз, чтобы заглянуть в его микроавтобус. Тот был открыт. На грязном полу валялись газеты, на раскладушке лежал рваный спальный мешок. Повсюду разбросаны нестиранные рубашки, нижнее белье, полотенца. Я собрала все в пакет и заставила себя вернуться обратно в квартиру.

Стоя на лестничной площадке, мысленно взвесила все «за» и «против». Есть опасность, что брат избьет меня до синяков, но если вызвать «Скорую», то он сбежит, как только услышит сирену. Можно постучаться к соседям и попросить помощи, но, сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, решила все же не беспокоить их и на неверных ногах вернулась в квартиру.

Уилл находился в гостиной. Мирно разговаривая сам с собой, копался в шкафу. Брат уже успел позабыть, что именно вызвало у него вспышку ярости. Я забросила его одежду в стиральную машину и засыпала щедрую порцию порошка. Тем временем Уилл отыскивал коробку из-под обуви, набитую бумагами, которые в данный момент разглядывал. Я отошла на безопасное расстояние.

– Нашел что-то интересное? – спросила я, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Фотографии, – пробормотал он.

Он пасьянсом разложил их на полу. На одной был запечатлен семейный праздник. Отец обнимает за плечи меня и мать. Уилл стоит рядом, он уже на несколько дюймов выше меня.

На другом фото он сам на выпускном вечере в Кембридже, гордый, полный уверенности в себе. Волосы на солнце почти белые. Брат вытащил из коробки еще одну фотокарточку. На ней он держит за руку симпатичную брюнетку, одну из многих девушек, за которыми когда-то ухаживал. Она смотрела на него так, будто никогда не отпустит. Я закусила губу. Раньше мне было проще не обращать внимания на разницу между Уиллом тогдашним и Уиллом сегодняшним.

– Тебе что-то нужно?

Он слишком занят новой игрой и потому не ответил. Я поняла, что сейчас лучше его не трогать, и стала собираться на работу. Когда приняла душ и нарядилась, брата в квартире уже не было. Входная дверь осталась открытой. Но прежде чем уйти, он аккуратно разложил по всему полу фотографии, снимок к снимку, как плитку.

Они шли в хронологическом порядке, начиная с детских. Далее несколько фотографий в школьной форме, затем мы с братом в возрасте двадцати с чем-то лет на пляже вместе с Лолой. И, наконец, последний снимок. На нем Уилл сфотографирован у здания Лондонской

фондовой биржи, где начинал работать брокером. Брат широко улыбался, ни дать ни взять получил ключи от Сити. Я бросила фото обратно в коробку. Ужасно хотелось сжечь все это, привыкнуть уже к тому, что больше никогда не увижу его таким – торжествующим, словно все в жизни принадлежит ему, стоит лишь протянуть руку.

\* \* \*

Я поехала на работу на велосипеде вдоль Тули-стрит. Было на редкость холодно, дорога блестела от изморози. На секунду подумала – а не уехать ли мне куда-нибудь подальше, крутить педали, пока не станет больно ногам. Махнуть рукой на пациентов, ожидающих очереди, и по-настоящему больных, и просто озабоченных. Рядом с «Лондонским подземельем»<sup>[4]</sup> уже собралась толпа желающих поглазеть на восковые убийства и искусственную кровищу.

У пруда Грейт-Мейз я прицепила велосипед к ограде и подняла глаза на здание больницы Гая. Тридцатичетырехэтажная башня из серого бетона смотрела на меня крохотными окошками. Неудивительно, что она снискала славу самого уродливого здания в Лондоне. При наличии времени можно без труда вычислить окно моего кабинета: на двадцать четвертом этаже, пятое слева.

Подъем дался тяжелее обычного. На десятой площадке у меня заурчало в животе, и я пожалела, что не успела позавтракать. Еще четырнадцать лестничных пролетов, и голова уже кружилась от нехватки кислорода, а легкие горели огнем.

Весь день каждые сорок пять минут в кабинет входили пациенты; прием велся на автопилоте. Но одну победу я все-таки одержала. Девушку с анорексией благополучно госпитализировали. Я обнаружила страдалицу под капельницей, откуда в ее истощенное тело вливался физраствор. Из таблички на спинке кровати явствовало, что кровать занимает Лора Уоллис, пятнадцати лет. Масса при поступлении – пять стоунов два фунта<sup>[5]</sup>. Мать сидела на краешке стула рядом с подушкой. Лицо в резком больничном свете казалось серым. Судя по всему, бедная женщина не спала несколько ночей.

– Как она сегодня? – поинтересовалась я.

– Хуже не бывает. Даже проснуться не может.

В материнских глазах застыла пустота. Так обычно смотрят жертвы терактов, переживая заново мгновения перед взрывом бомбы.

– Почему она творит такое с собой? – прошептала она.

Я могла бы до бесконечности перечислять клинические факторы: депрессия, дисморфофобия<sup>[6]</sup>, заниженная самооценка. Но толка от этого не было бы никакого.

– Не переживайте, у Лоры есть шанс победить болезнь.

Даже во сне лицо девушки походило на маску: под почти прозрачной кожей проступала каждая косточка. Шансы выжить – примерно восемьдесят процентов к двадцати в ее пользу, если убедить Лору принимать пищу.

– Увидимся завтра.

Не отрывая глаз от дочери, миссис Уоллис кивнула. Она словно опасалась, что стоит отвести взгляд, как Лора потеряет последние фунты веса.

По пути домой я заглянула в супермаркет на Тауэр-Бридж-роуд, где купила свежего хлеба, молока, мюсли, бананов и камамбера – целых два больших пакета еды. По крайней мере, если Уилл вечером вернется, то холодильник будет полон.

На кухне, не снимая пальто, бросила на сковородку кусок масла, разбила два яйца и добавила три куса бекона. Все это я заела огромным ломтем хлеба. Когда дожевывала последний кусок, зазвонил телефон.

– Алло?

– Теперь твоя очередь зайти ко мне в гости, – сообщил Шон. Судя по голосу, он явно уже закончил дежурство в операционной и даже поиграл, по обыкновению, в сквош.

– Извини, не могу. Сегодня вечером может зайти мой брат.

– Ничего, тогда приду сам. Наконец-то с ним познакомлюсь.

Я огляделась по сторонам. Шон повсюду оставил следы. На спинке стула висел его шарф. Возле двери на полу – сумка. Под раковину засунуты смятые бумажные коробки из-под вчерашней еды. Я глубоко вздохнула:

– Послушай меня, Шон. Извини, но мне кажется, нам нужно сделать перерыв.

Когда он наконец ответил, его голос был холоден. Казалось, к телефону подошел чужой человек.

– Что ты имеешь в виду под перерывом?

– Я имею в виду то, что мы слишком часто встречаемся.

– А мне кажется, ты пытаешься разорвать отношения, – в его голосе закипала ярость.

– Извини. Мне просто нужен глоток свежего воздуха, только и всего.

– О господи, Элис! Мы с тобой три последних месяца провели в постели. Ты никогда не жаловалась.

Я попыталась объяснить мои чувства, но он меня не слушал, а продолжал разглагольствовать. Пришлось отвести трубку от уха. В конце концов я согласилась встретиться с ним завтра утром и все обсудить.

Шон положил трубку, и я, опустившись на диван, какое-то время сидела в ступоре. Со мной такое бывает после переедания или принятия серьезного решения. В половине девятого на небе появилась луна: хрупкий белый серпик в углу окна, окаймленный желтоватым пушком. По какой-то непонятной причине мне отчаянно захотелось выйти из дома.

Стоило моим подошвам ощутить под собой тротуар, как я тотчас же почувствовала себя не в пример лучше. Бег для меня – наилучшее лекарство. Невозможно злиться или раскаиваться, когда изо всех сил пытаешься дышать. Я бежала трусцой, постепенно набирая скорость, до тех пор, пока не нашла правильный ритм. На Батлерз-Уорф у входа в паб «Якорь» толпились курильщики, наблюдая за тем, как против течения тащится землечерпалка, напоминающая ползущего на четвереньках старика. Возле «Золотой лани» я остановилась, чтобы немного размять сухожилия. Копия старинного корабля была освещена на радость туристам. Золотая краска ярко блестела, новенькие иллюминаторы сияли огнями. Думаю, при виде эдакого расфуфыренного красавца Фрэнсис Дрейк<sup>[7]</sup> надорвал бы живот от смеха.

Эндорфины сотворили свою магию: теперь в моем сознании пульсировала твердая уверенность в том, что все можно уладить. Я побежала по Маршалси-роуд, но неожиданно

свернула на Редкросс-уэй, чтобы быть ближе к реке и, соответственно, к дому.

И в этот момент что-то бросилось мне в глаза. Раньше я никогда не замечала здесь двустворчатых ворот чугунного литья. К их прутьям были привязаны десятки ленточек и клочков бумаги. Увы, стоило мне посмотреть вниз, как весь мой эндорфиновый накал тут же остыл. Я взглянула второй раз: нет, не обман зрения. Рядом с моей ногой прямо на мостовой белела чья-то рука, размером даже меньше моей. Раскрытая ладонь, казалось, ждала милостыни.

Узкое запястье, кончики пальцев красные, как обожженные Я заставила себя прикоснуться двумя пальцами к холодной коже, но пульса не нащупала. Заглянув под кованые ворота, увидела, что тело лежит примерно в футе от них, завернутое в черную ткань. Было невозможно понять, юноша это или девушка. Я поймала себя на том, что ничего не соображаю. Все мысли вмиг покинули меня.

Убийца мог находиться где угодно. Вдруг он сейчас рядом и наблюдает за мной? Улица пуста: ряд неиспользуемых офисных зданий, заброшенный склад, ни одного прохожего. Ближайший дом с освещенными окнами отсюда примерно в ста шагах. Можно, правда, добежать до паба на Маршалси, это займет пару минут. Испуганно оглядевшись по сторонам, я вытащила из кармана телефон и набрала 999<sup>[8]</sup>.

Спокойный женский голос пообещал немедленно выслать «Скорую».

– Вы можете оставаться на линии до прибытия, – посоветовала оператор тоном заботливой бабушки. Я представила ее себе: полная, средних лет, под рукой всегда чашечка чая.

Увы, мои мысли упорно отказывались превращаться в законченные предложения. Я коротко поблагодарила и сунула телефон в карман. Холод мостовой от подошв быстро распространился по ногам и добрался до позвоночника. Не знаю почему, но мне не хотелось оставлять это безжизненное тело, которому наверняка уже было все равно, кто составит ему компанию.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем наконец подъехала полиция. К этому времени я уже успела мысленно перебрать все причины, как и почему чей-то труп мог оказаться в этом безлюдном заброшенном уголке Саутварка. Кто это? Жертва разборок враждующих банд? Или сбежавший из дома подросток? Уснул на улице и умер от переохлаждения? Мои замерзшие руки утратили чувствительность, пальцы онемели.

Прибыла «Скорая», а на другой стороне дороги остановились два полицейских микроавтобуса. Все сразу пришло в движение, как в сериале «Катастрофа»<sup>[9]</sup>. Старшим, судя по всему, был мужчина в длинном пальто. Полицейские офицеры тут же засуетились вокруг него, принялись выполнять его указания, вытаскивать из микроавтобусов ящики с оборудованием. Тем временем он подошел ко мне. Увы, слишком темно, чтобы разглядеть его лицо. Взгляд выхватил лишь темные глаза и брови, заметно выделявшиеся на бледной коже. Похоже, он давно разучился улыбаться.

– Элис Квентин?

– Да, – ответила я, клацая зубами, пока он пристально рассматривал меня.

Из микроавтобуса за его спиной высыпали полицейские и начали устанавливать прожекторы. Затем один арматурными кусачками взялся перекусывать цепочку ворот.

– Вы давно здесь находитесь?

– Минут двадцать.

Неожиданно вспыхнул яркий свет. Мужчина в пальто стоял почти вплотную ко мне, чужого личного пространства для него не существовало. Телосложением походил на боксера. Темные волосы спадали на лоб и глаза.

– Что вы делали на этой улице? – спросил он, глядя так, будто преступница – это я.

– Бегала. Я всегда бегаяю.

– Значит, вы сумасшедшая, – произнес он и изумленно покачал головой: – Клинический случай.

– Ну и наглая сволочь, – буркнула себе под нос, когда он отошел в сторону.

Вскоре ворота распахнулись и темноту пронзили лучи прожекторов. Я застыла на месте, прислонившись спиной к телеграфному столбу. Женщина в белом комбинезоне начала привязывать к нему черно-желтую ленту. Закрепив ее конец, она стала разматывать ее дальше. Я оказалась внутри огораживаемого круга, сама став уликой, которую следует забрать в лабораторию для экспертизы. Бочком придвинулась ближе к воротам. Следователи сновали туда-сюда, поднимали что-то с земли и относили найденное в машину. Один из них остановился рядом, чтобы занести в блокнот мои показания. Бросив взгляд через его плечо, я мельком увидела обнаженное тело. Оказалось, это молодая женщина. Ее накрыли брезентом, только босые ноги остались на виду. Еще одна фигура в белом склонилась над ней и посветила ей в лицо фонариком. Мимо меня вновь прошествовал полицейский в дорогом пальто.

– Могу я теперь идти домой? – спросила я.

– Каким образом вы намерены туда добраться? – с нескрываемой издевкой уточнил он.

– Пешком.

– Вы шутите, – сказал он и покачал головой. – Поедьте со мной.

Я слишком устала, чтобы с ним спорить. Полицейский открыл дверцу автомобиля и даже собственноручно защелкнул на мне ремень безопасности, как бы невзначай коснувшись моих ног. Откинувшись на спинку сиденья, он пристально посмотрел на меня.

– Зачем, ради всего святого, бегать по ночам там, где на людей нападают с ножом, а то и вообще стреляют?

Я выдержала его взгляд.

– Вообще-то я быстро бегаю. Если ко мне кто-то начнет приставать, я убегу.

Он ничего не ответил, лишь завел двигатель. Лицо его оставалось бесстрастным.

– Готова спорить, что вы отлично играете в покер. Угадала?

– Это вы к чему?

– Ваше лицо никогда не меняет выражения. У вас вечно сердитый вид.

Полицейский нахмурился.

– Обычно я само спокойствие, – ответил он. – Но когда люди вроде вас бессмысленно рискуют жизнью, это действует на нервы.

– Поняла. Опять-таки готова спорить, что вы не против изменить закон. Будь ваша воля, вы бы держали женщин взаперти. Пусть они занимаются вышиванием и носы из дома не показывают.

Он еще крепче стиснул зубы и сжал руль. Идеальный кандидат в группу управления гневом, которую я веду каждую пятницу. По крайней мере, к тому времени, когда мы остановились на Провиденс-сквер, он тихо побулькивал, а не бурлил что есть силы.

– Кто-то дома может присмотреть за вами? – спросил он.

– Со мной все в порядке, честное слово.

– Да уж. Вы только взгляните на свои руки, – усмехнулся мой спутник.

Мои руки подрагивали на коленях, отказываясь лежать спокойно.

– Давайте я вам помогу.

Он нагнулся, чтобы открыть для меня дверь; при этом его волосы коснулись моих губ. Крепко взяв меня за руку выше локтя, он помог выбраться из машины.

– Дальше я сама, спасибо.

– Вы едва стоите на ногах, – заявил он, все еще держа меня за руку.

– Нет, правда, со мной все в порядке, – решительно произнесла я. – Хотите верить, хотите нет, но я сама могу подняться по лестнице.

– Как скажете.

С этими словами он сел в машину и укатил прочь. До меня только сейчас дошло, что он даже не счел нужным представиться. Микроавтобус моего брата уже вернулся на автостоянку на противоположной стороне улицы. Правда, свет в нем выключен. Уилл или спит, или греется где-то в другом месте. Дверь в подъезд вновь осталась открытой. Не забыть бы завтра прилепить к ней записку с напоминанием соседям, что вообще-то двери принято закрывать.

Уилл явно побывал в квартире: доел оставшийся хлеб и сыр, забрал постиранную одежду. Я плеснула в стакан немного бренди и, когда поднесла к губам, услышала, как стекло постукивает о зубы. Когда, в надежде согреться и отдохнуть, легла в постель, оказалось, что мысли вертятся в голове, не давая уснуть. В конце концов они остановились на темноволосом полицейском с постоянно хмурым лицом, и я провалилась в сон.

\* \* \*

Без четверти восемь зазвонил телефон. Ого, значит, я ухитрилась проспять, не услышав будильника. Голос знакомый и настойчивый, с легким акцентом элитной школы.

– Элис, это я.

Потерла глаза и попыталась привести мысли в порядок.

– Шон, – пробормотала я.

– Все время думал о тебе. Ты знаешь, что будешь полной дурой, если окончательно решишь расстаться?

– Послушай, сейчас не могу разговаривать, прости меня. Даже если бы захотела тебе объяснить, ты не поверишь, что такое бывает.

– Тогда сегодня вечером, после работы, – уперся рогом Шон. – Господи, Элис, неужели все психологи такие непредсказуемые, как ты?

– Думаю, это маловероятно.

На другом конце линии раздался какой-то сдавленный звук.

– Тем лучше, черт побери.

\* \* \*

По пути на работу я сделала крюк и проехала по Редкросс-уэй. При дневном свете здесь не было ничего страшного. Типичная для Саутварка ничем не примечательная улица – голая, без деревьев. Куда ни глянь, одни лишь уродливые офисные здания. Вчерашнее место было по-прежнему огорожено черно-желтой лентой. Никого не заметив поблизости, я юркнула под нее. Ограду украшали ленточки и искусственные цветы. Затем мое внимание привлекла блестящая на солнце латунная табличка.

*Здесь похоронено более тысячи проституток, живших в Лондоне со времен Средневековья до 1850-х годов. В 1994 году кладбище частично разровнено, чтобы освободить территорию под строительство электростанции, обслуживающей столичное метро. Однако местные жители выступили против этого решения и продолжают требовать от совета Саутварка создания мемориального сада в память о погребенных здесь женщинах<sup>[10]</sup>.*

Я привстала на цыпочки и попыталась заглянуть через ворота внутрь, но ничего не увидела. Лишь черное покрытие да побеги крапивы и буддлеи<sup>[11]</sup>, что сумели пробиться сквозь трещины. Место столь же безликое, как стандартный каток. Его вид слегка оживляли смятые упаковки чипсов и полиэтиленовые пакеты «Теско»<sup>[12]</sup>, которые из конца в конец гонял ветер. Кое-где поблескивали осколки битых бутылок, перекинутых через ограду подростками. Я прикрыла глаза и попыталась представить тысячу женщин: вот они стоят плотной стеной и смотрят на меня.

Неожиданно кто-то похлопал меня по плечу.

– Вы что, не умеете читать? – Это была женщина-полицейский в форме. Ее голос звенел возмущением. – Это место преступления.

– Я хотела посмотреть кладбище.

– Там нечего смотреть. – Ее лицо оставалось каменным от холода и высокомерия. Она хлопнула в ладоши, прогоняя меня от ворот, как бродячую кошку. – Уходите. Ну же, идите куда ши.

\* \* \*

Скажу честно, я с огромным облегчением провела утро, погружившись в заботы других людей, не имея времени думать ни о чем, кроме диагнозов и лечения. Когда в час дня зазвонил телефон, как раз собиралась съесть купленный в больничном кафетерии сэндвич. Звонил старший инспектор Бернс, обладатель голоса, в котором смешались акценты курильщика, выходца из низинной Шотландии и обитателя Бермондси<sup>[13]</sup>.

– Слишком много совпадений, – проворчал он, – вы сказали, что Моррис Клей не опасен, но тут – бац! – происходит убийство, причем как только его выпустили на свободу.

Мне вспомнилось лицо Клея во время моего с ним разговора: лицо ребенка, пытающегося разгадать загадки мира взрослых.

– Он не мог этого сделать.

– Но мы не можем его исключить из списка подозреваемых, – вздохнул Бернс. – Убитая девушка жила в паре шагов от Редкросс-уэй. Это его территория.

– Вы уже допросили его?

– Его нигде не могут найти. – В трубке возникла долгая пауза. – Дело в том, доктор Квентин...

– Элис.

– Я был бы вам признателен, если бы вы согласились помочь нам еще разок.

– Каким образом?

– Это слишком похоже на ту историю с убийствами в Саутварке. У меня такое ощущение, словно здесь вновь поработали Рэй и Мэри.

– Но ведь Бенсоны в тюрьме, если я не ошибаюсь!

– Мэри вот уже шесть лет сидит в Рэмптоне. Рэй умер в прошлом году в Бродмуре.

– То есть появился подражатель?

– Хуже. Убийце известно то, о чем пресса никогда не писала. Например, что на телах девушек вырезали кресты.

– Но при чем здесь я?

– Клей явно к этому как-то причастен. У него точно имелся сообщник. Кто бы он ни был, это сущий маньяк. Они хорошо изучили дело и решили применить свои знания на практике. Думаю, можно ждать новых случаев.

– Боюсь, ничем не могу помочь вам, инспектор. Я не судебный психолог. В мои обязанности не входит выяснять, почему кто-то умер. Я помогаю людям выжить.

– Вот поэтому вы мне и нужны, Элис. Хочу, чтобы взглянули на тело девушки. Интересно узнать, что вы думаете об этом убийстве.

– Но какая от этого будет польза?

Бернс замешкался с ответом.

– Вдруг вы заметите что-то такое, что мы упустили.

Когда наш разговор завершился, я была как выжатый лимон. Перед глазами стояла рука убитой, лежащая на грязном холодном тротуаре. Протянутая ко мне, будто я – ее единственная надежда на спасение. Этот Бернс сумел-таки меня убедить. Заодно больно закололо в верхней части спины, прямо между лопатками.

\* \* \*

С работы я ушла в начале восьмого и покатила в направлении Лондонского моста. Возле Саутваркского собора прицепила велосипед к фонарному столбу. На минуту остановилась, чтобы полюбоваться величественным строением. Несколько лет назад, когда общественные деньги еще шли на восстановление исторических зданий, собор отреставрировали. Каждый камень так и сиял. Будь я верующей, наверняка зашла бы внутрь и произнесла короткую молитву за девушку с кладбища Кроссбоунз. Или за Уилла. Увы, даже закрывая глаза, я никогда ничего не чувствовала. Никакого душевного трепета.

Рыночная площадь была пуста, на земле валялись подгнившие фрукты и овощи, которые торговцы так и не потрудились убрать.

Квартира Шона располагалась в доме на Винчестер-Уок, прямо над магазином. В гостиной пахло кофе и специями. Запахи просачивались снизу, со склада. Пока Шон колдовал на кухне, я обвела взглядом окружающее пространство. Его жилище было полной противоположностью моему. Полки заставлены компакт-дисками и книгами. В углу пианино, на кофейном столике горой навалены журналы джазовой тематики и газеты. Когда Шон сунул мне в руку бокал с вином, я, сама не понимая почему, выложила ему все – начиная с момента, когда нашла мертвое тело, и кончая знакомством с самым высокомерным полицейским в мире.

– Оставайся, – предложил Шон, – тебе опасно одной. Если хочешь, я лягу на диване.

– Ты и пяти минут не улежишь на нем один.

– Плохо ты меня знаешь, – улыбнулся он. – Уверен, вытерплю целых десять.

– Нет, я лучше пойду.

Его рука легла мне на талию, и мой план тотчас начал пробуксовывать. Инстинкт подсказал, что не нужно ничего говорить, лучше просто поддаться на его уговоры.

Темные глаза пригвоздили меня к месту. Его улыбки как не бывало, она вмиг слетела с лица.

– Прежде чем принять решение, Элис, учти две вещи.

– Какие именно?

– Первое – в постели я круче всех.

– Это ты уже доказал. Дело в другом.

– Я влюбился в тебя. По уши втрескался.

Я не знала, что на это ответить, и, опустив глаза, шагнула к двери.

– Ты просто так от меня не уйдешь.

Впервые я заметила в выражении его лица нечто странное, некую одержимость. Хотя кто его знает. Вдруг он просто слабак, падающий духом при любой неудаче?

Шон продолжал стоять передо мной, и мне подумалось: что будет, если он меня отсюда не выпустит?

– Подумай, Элис. Честное слово, это какое-то безумие.

– Мне нужно идти, Шон. Ты не даешь.

На его щеке дернулся мускул.

– Я мог бы оставить тебя здесь, если бы захотел.

– Не смей!

– Ты всегда так поступаешь. – По его лицу пробежала неприятная усмешка. – Сначала говоришь «нет», потом говоришь «да»; вроде как я не достоин тебя.

– Неправда, – ответила я и вздохнула: – Просто между нами все кончено, Шон. Извини, но это так.

Решительность моего тона вернула его в реальность. Он опустил голову и отошел в сторону. У порога сунул пакет со всеми вещами, что я держала в его квартире.

Как приятно снова оказаться на улице! Впервые за последние месяцы я смогла вдохнуть полной грудью. Я остановилась на тротуаре и заглянула в пакет. За три месяца перетащила к нему не слишком много вещей: серебряный браслет со сломанной застежкой, упаковка противозачаточных пилюль, белая ночная рубашка и поздравительная открытка ко дню рождения, в которой Шон обещал свозить меня в Париж. Опустив пакет в ближайшую урну, я села на велосипед.

Путь домой потребовал не более десяти минут, но отнял остатки сил. Мне хотелось одного: поскорее войти в квартиру и залечь в ванну. Однако, подойдя к двери, я услышала какой-то звук. Света на лестничной площадке не было. Перед моей дверью маячил чей-то силуэт. Я затаилась, готовая в любое мгновение броситься вниз по лестнице.

– Элис, это ты?

Лола. Ее голос я узнаю где и когда угодно. Он не изменился со школы. В нем слышалась знакомая хрипотца и возбуждение, словно она провела уик-энд в постели с самым красивым мужчиной мира. Я обняла ее и помогла закатить в прихожую огромный красный чемодан на колесиках. Рюкзак за плечами был набит так плотно, что буквально трещал по швам.

– Боже мой, Лола, что случилось?

– Я поведаю мою печальную сагу, когда мы выпьем вот это.

Она сунула мне две бутылки вина. Обычная схема. Раз в несколько месяцев Лола сваливается на меня как снег на голову с вещами и подарками. После двух бокалов божоле <sup>[14]</sup> она все еще грузила меня жалобами на своего домохозяина.

– Подонок, каких свет не видывал, – кипятилась она, накручивая на палец длинный локон рыжих волос. – Стоит на месяц задержать квартплату, и знаешь, что он заявляет?

– Догадываюсь.

– Будь со мной поласковой, и я готов скостить. Настоящий опереточный злодей. – Лола передернулась от отвращения. – Ему только черного плаща и накладных усов не хватает!

– А ты что?

– Ничего. Просто стала собирать вещи, чтобы поскорее сбежать оттуда. Один бог ведает, что бы он вытворил, останься я еще на минуту в этой квартире. – Подруга явно наслаждалась этим мини-спектаклем. Веснушчатое лицо покраснелось, пальцы театрально взбивали буйную рыжую гриву.

– В этом месяце у меня сплошные прослушивания. Но мне так никто и не перезвонил.

– Можешь пока пожить в свободной комнате.

Ее зеленые глаза радостно вспыхнули:

– Правда? Можно? Пока я не подыщу себе другую квартиру.

– Конечно. Правда, ко мне каждый день заходит Уилл.

Выражение ее лица смягчилось.

– Как он?

– Не фонтан.

– По-прежнему обитает в своем микроавтобусе?

Я кивнула.

– А я все надеюсь, что переедет ко мне, но пока что он не выразил такого желания.

– Я хотела бы увидеть его, – просияла Лола. – Чтобы все было так, как раньше.

– Боюсь, прошлого уже не вернуть. – Я взяла ее руку и заставила посмотреть мне в глаза. – Ты должна это понять. Уилл теперь совершенно другой. Порой на него страшно смотреть.

– Страшно смотреть? – Она смерила меня недоверчивым взглядом. – Это как?

– Он весь нервный, дерганый. Шарахается от всего на свете. Вряд ли тебе захочется оказаться рядом с ним, когда он не в настроении.

Лола недоверчиво покачала головой.

– Помнишь нашу поездку на Крит? Девушки становились в очередь, чтобы потанцевать с ним. Уилл был просто прелесть. Не могу представить, что он стал другим.

– А я могу. Уж восемь лет как.

– Господи! Как время летит! – Наверное, что-то в выражении моего лица заставило ее переменить тему. – Скажи мне лучше, как у тебя дела с этим хирургом?

– Никак. Мы расстались.

– Ты шутишь! Это же самый завидный жених во всем Лондоне!

– Был, – печально улыбнулась я.

– В чем же причина на этот раз? Или ты придерживаешься своего любимого принципа: избавляйся от них в ту же секунду, как только заговорят о браке?

– Не знаю. Наверное, я злобная стерва и мужененавистница.

– Хочешь мое мнение? – улыбнулась Лола.

– Ну, давайте доктор, я готова к сеансу психоанализа.

– Ты слишком много работаешь. И встречаешься исключительно с серьезными мужчинами, разными там врачами, – произнесла подруга и взмахнула пустым бокалом. – Тебе нужно больше развлекаться.

– Это твой диагноз, я правильно поняла?

– Ходи почаще на вечеринки. Прописываю тебе больше танцев и алкоголя. – С этими словами Лола налила до краев оба бокала. – Я тебе рассказывала про режиссера?

И она пустилась в разглагольствования о каком-то американце, который, после того как она прошла у него кинопробу, бомбардирует ее телефонными звонками.

– Ресторан, уик-энды, фотосессии. Все, что пожелаешь. Но роли в своем гребаном фильме он мне все равно не дает.

– Тебе пора перестать быть неотразимой, Ло.

– Невозможно, дорогая. – Улыбка моей подруги сделалась еще шире. – Это у меня в генах.

Весь вечер она развлекала меня забавными историями, передразнивая акцент знакомых иностранцев, а их, надо сказать, немало. Когда я посмотрела на часы, оказалось, что уже поздно – два часа ночи. Мы даже не заметили, как уговорили две бутылки.

– Все, на сегодня с меня хватит, – сказала я с улыбкой. – Пора спать.

– Можешь разбудить меня утром? У меня в десять прослушивание в Хаммерсмите [\[15\]](#).

– Хорошо. И что за роль?

– Служанка Офелии, – забавно сморщив носик, ответила Лола. – Нищим выбирать не приходится.

\* \* \*

Утром она так и не встала. На мой голос не реагировала. Напоминая кошку экзотической породы, она лежала, свернувшись калачиком, посреди кровати. Лола уже колонизировала спальню. Возле стены возникла радуга туфель на шпильке. На стул брошена ярко-зеленая кожаная куртка.

Я завела будильник на восемь часов и поставила возле ее подушки. Голова все еще гудела от ночной попойки. Пришлось ограничить завтрак таблеткой нурофена и стаканом апельсинового сока. Затем вместе с велосипедом я спустилась по лестнице и вышла на улицу.

Этим утром я покатила в больницу другим маршрутом – через квартал зданий в георгианском стиле и площадку, на которой когда-то стоял старый больничный корпус.

Мысленно адресовала Бернсу проклятие. Этот толстый поганец поручил мне нечто такое, о чем я наверняка с содроганием буду думать весь день. Морг был спрятан за патолого-анатомическим отделением. Жалюзи на окнах опущены, молчаливо охраняя секреты. Я сунула пропуск в считывающее устройство турникета и вошла в фойе.

В больнице, где я работаю, два морга. Первый для тех, кто умер естественной смертью. Их тела хранятся неделю-две в холоде, при температуре два-четыре градуса по Цельсию. Затем родственники забирают их для погребения или кремации. Второй – это, по сути, морозильник, где поддерживается исключительно минусовая температура, что-то между пятнадцатью и двадцатью пятью. Здесь трупы хранятся долгие месяцы или даже годы, давая возможность провести судебно-медицинскую экспертизу. Неопознанные тела лежат до тех пор, пока не будет установлена их личность. Католики наверняка назвали бы это заведение ледяной разновидностью чистилища.

Я вошла в помещение и, отыскав глазами табличку со вчерашней датой, заставила себя потянуть за ручку морозильного ящика. Мертвые тела выводят меня из душевного равновесия. Это одна из причин, почему я предпочла общей врачебной практике психотерапию. У меня не было ни малейшего желания ехать среди ночи на экстренный вызов, чтобы констатировать летальный исход, утешать родственников и ставить печать на справку о смерти.

Вздохнув поглубже, я расстегнула молнию на серебристом мешке. В ноздри тотчас ударило облачко конденсата и горький запах формальдегида. На вид мертвой девушке было лет семнадцать, может, даже меньше. Лицо гладкое, без единой морщинки. Волосы светлые, обесцвеченные, но темные у корней. Худющая до такой степени, что можно пересчитать ребра. Не нужно быть патологоанатомом, чтобы понять, как она умерла. Перерезано горло. Рана такой глубины, что в просвет виднелась разодранная трахея и гортань.

Я пару секунд смотрела на серый резиновый пол морга, опасаясь, что меня вот-вот вырвет. На коже убитой, на груди и боках виднелись сотни небольших, но глубоких порезов в виде крестиков. Они обнаружили даже на внутренней поверхности бедер. Оставалось лишь уповать на то, что их нанесли, когда несчастная была уже мертва. Я посмотрела на ее руку и вспомнила, какой маленькой та мне показалась, когда лежала на тротуаре. Кончики пальцев заляпаны кровью, ногти сломаны, будто она несколько дней подряд пыталась процарапать кирпичную стену и вырваться на свободу. На ее плече я заметила татуировку, простую как детский рисунок: бабочка с крошечным сердечком в центре каждого крылышка.

Спустя минуту я задвинула ящик обратно. «Девушка с кладбища Кроссбоунз», значилось на нем. Что я могла для нее сделать? Ей, с ее смертельными ранами, еще какое-то время придется пролежать в морозилке.

Остальная часть утра прошла как обычно: прием пациентов, телефонные звонки, работа с бумагами. Во второй половине дня работы заметно прибавилось. В мою группу по управлению гневом пришло одиннадцать человек. Я с первого взгляда определила, кто пришел в нее сам, а кто под давлением обстоятельств, не имея иного выбора, потому что этого потребовал социальный работник или инспектор надзорной службы. Мы прошли через обычные этапы: доверься людям, прежде чем проблема станет неконтролируемой, следи за дыханием, досчитай до десяти, а потом уходи от конфликта. Во время первого упражнения мужчина средних лет вскочил на ноги, его лицо окрасилось в цвет вареного рака.

– Сколько можно грузить всякой херней! – взревел он. – Не нужно мне этого дерьма!

Выскочив из комнаты, он так громко хлопнул дверью, что затряслась дверная коробка. Я

обвела взглядом испуганные лица подопечных.

Все они настолько привыкли орать на других и пускать в ход кулаки, что забыли, каково это, испытать чужую агрессию на себе.

– Фу, как некрасиво! – пробормотала одна из женщин. Вид у нее растерянный, казалось, она неожиданно посмотрелась в зеркало и увидела себя без макияжа.

\* \* \*

В пять часов вечера я села на велосипед и покатила на юг, следуя за потоком транспорта, что тек из города на окраины, где лондонцам все еще по карману делать покупки. На этот счет даже имеется шутка, что, мол, Уэндсворт стал так же популярен, что и Хэмпстед<sup>[16]</sup>.

Вскоре я оказалась в полицейском участке Саутварка, где нашла старшего инспектора Бернса. Он сидел, втиснувшись между стеной и настолько близко придвинутым к ней столом, что мне стало интересно, как при этом ему удается дышать. Бернс жестом предложил мне сесть напротив него на обшарпанный пластмассовый стул.

– И как она вам? – спросил Бернс, внимательно наблюдая за мной. – Я хотел, чтобы вы посмотрели и подсказали нам, что это за тип, которого нам предстоит искать.

– Тип, который не очень миндальничает с женщинами.

– Это и так понятно.

– Бенсоны так же поступали со своими жертвами? Они резали им кожу?

– Скажем так: когда мы этих девушек находили, они уже не годились для участия в конкурсе красоты, – ответил Бернс, поморщившись. – Личность этой мы до сих пор так и не установили. Пока никто не заявил о ее пропаже. Похоже, бедняжку морили голодом, продержав пару недель взаперти.

– У вас есть подозреваемые?

– Моррис Клей по-прежнему в моем списке. После того как этот красавец вышел на свободу, он только раз побывал в доме матери. Числится в розыске.

Я растерянно заморгала:

– Для него это слишком изощренное убийство. Он на такое просто не способен. И с чего вы взяли, что это он? Вы же сами только что сказали, что девушку держали взаперти. А Клей, как известно, в это время находился за решеткой.

– Разве я сказал, что он действовал в одиночку? – Телефон на столе Бернса неожиданно зазвонил. – Бен, ты можешь на минуту зайти к нам?

– Ваш помощник?

Бернс кивнул.

– Он настаивает, чтобы вы помогли нам в расследовании. Что-то прочитал о вас в Интернете и уверяет, что по вашей части лучше никого нет.

В дверях появился раздражительный детектив, который в ту ночь подвез меня до дома, одетый в черные брюки и белую рубашку с расстегнутой верхней пуговицей. Узел серого галстука ослаблен, словно он боялся, что тот его придушит. Днем он выглядел совсем по-другому. Черные волосы и бледная кожа придавали ему экзотический вид, делая похожим на уроженца Ближнего Востока, который слишком много времени провел взаперти без солнечного света. По всей видимости, улыбаться он действительно не умел.

– Вы ведь уже встречались, верно? – спросил Бернс.

– Но вы тогда не представились.

– Детектив Альварес, – отрывисто ответил черноволосый. По такому никак не скажешь, что ему нужна моя помощь. Похоже, нашу новую встречу этот Альварес воспринял как напрасную трату времени. Широкие плечи напряжены; похоже, он сдерживает рвущуюся наружу энергию.

– У тебя есть для нас что-то новое, Бен?

– А что вы хотите услышать? – ответил вопросом на вопрос Альварес, неохотно усаживаясь в соседнее кресло. – Не считите за грубость, шеф, но сейчас не лучшее время. Необходимо провести десятки допросов. Иначе нам просто не сдвинуть с места это расследование.

– Ничего, оно от тебя никуда не уйдет, – ответил Бернс и глубоко вздохнул: – Ты же сам сказал, что Элис поможет нам составить психологический профиль преступника.

– Это похоже на убийства в Саутварке, – сказал Альварес и в свою очередь тоже вздохнул. – Бенсоны неделями держали своих жертв взаперти, насильовали их, затем перерезали горло, после чего избавлялись от мертвых тел. Одну они закопали в саду, других – во внутреннем дворике.

– Но ведь эта девушка не была изнасилована? – спросила я.

– Вроде бы нет.

– Это единственное отличие?

– Похоже, что так, – кивнул Альварес. – Когда он убил ее, от нее оставались лишь кожа да кости. Он привез тело на кладбище Кроссбоунз, пронес через дыру в ограде, после чего подтащил к воротам, чтобы ее было легко заметить.

Бернс перехватил мой взгляд.

– Дело в том, Элис, что Моррис Клей частенько бывал в Бенсоновском хостеле: то и дело заходил. Он ни в чем не признался, но нельзя исключать, что он мог что-то знать о том, как Бенсоны калечили тела своих жертв. Кроме него, об этом никто не знал.

– Плюс те, кто участвовал в расследовании, – заметила я.

– То есть, по-вашему, это один из нас? – ошетинился Альварес.

– Просто размышляю вслух. Информация могла просочиться какими угодно способами.

На нижней челюсти Альвареса заходил желвак. Казалось, он вот-вот обрушит на меня поток отборных ругательств.

– Ну ладно, Бен, – вмешался Бернс. – Иди-ка ты лучше отсюда и займись текущими делами. – Он говорил натянуто, словно учитель, пытающийся остановить драку на спортивной площадке.

Альварес мгновенно исчез, не попрощавшись.

– Не обращайтесь на него внимания, – буркнул Бернс. – Он устал как собака. Работает сутками напролет с тех пор, как это случилось.

– Не слишком он любезен, вам не кажется?

– У этого бедняги очень тяжелый год. Ничего, привыкнете.

\* \* \*

Оставив Бернса наедине с грубостью его помощника, я отправилась домой. Лола уже

успела прийти и теперь пускала слезу над чашкой кофе. Не было смысла спрашивать ее, получила ли она роль. Все и так было ясно. В красном шелковом топике и короткой черной юбке она смотрелась гламурно и одновременно смешно. Я сказала ей, что, по-моему, ее не взяли по одной-единственной причине. Она затмит бедную Офелию своей слишком роскошной внешностью. Услышав мои слова, Лола просияла. Через несколько минут она окончательно пришла в себя и отправилась в ванную умыться.

– Элис, я жалкая, слезливая неудачница.

– Вообще-то видала я и похуже.

На плите стояла кастрюля с рагу. Я сняла крышку. В нос моментально ударили ароматы чеснока, приправ и красного вина.

– Я приготовила тебе ужин, – пояснила Лола. Похоже, она уже почти вернулась в нормальное состояние. Помнится, еще в школе ее депрессия никогда не продолжалась более десяти минут.

Мы ели рагу с кусочками теплого французского багета. От предложенного бокала вина Лола отказалась.

– Спасибо, еще успею выпить в пабе.

– И куда ты на этот раз?

– В Сохо. Встречаюсь с Крейгом и его друзьями. Ты тоже приглашена.

– Боюсь, я выжата как лимон. Так что извини.

– Но там будет весело! – сказала Лола, укоризненно покачав головой. – Пойдем, познакомишься с новыми людьми, оттянешься как следует.

– В следующий раз. Обещаю.

– Как хочешь. Но один парень из этой компашки как раз в твоём вкусе. Белокурый красавчик.

– Нет, спасибо, – ответила я, умоляюще вскинув руки. – Мне пока что не до мужчин.

\* \* \*

Лола накинула на себя бордовое пальто и выскользнула за дверь.

Я огляделась по сторонам. Казалось, по кухне прокатился смерч. Ни одной чистой кастрюли. Раковина забита картофельными очистками. На безупречной в прошлом столешнице пятна кофе. Я загрузила посудомоечную машину и устранила весь этот кухонный хаос. Справившись с уборкой, вышла на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха. Было жутко холодно. На крышах автомобилей, оставленных на парковке, белела изморозь. На другой стороне улицы, на моем парковочном месте, все еще стоял микроавтобус Уилла. Внутри горел свет, занавески задернуты.

Я обулась и вышла из дома. На мой стук в окно Уилл не ответил, поэтому я взялась за ледяную ручку и открыла дверцу. Брат лежал на узкой койке, положив под голову грязную, засаленную подушку. Внутри было ненамного теплее, чем на улице. Окна уже слегка запотели. Я легонько потрогала его плечо. Уилл приоткрыл глаза, а в следующий миг замахнулся, чтобы меня ударить. Впрочем, его движениям не хватало координации, и удар пришелся в воздух.

– Не трогай меня! – сонно пробормотал Уилл. – Оставь меня в покое!

– Здесь холодно, Уилл. Пойдем ко мне.

– Дай мне поспать, – ответил брат и повернулся ко мне спиной.

– Господи! Тебе ни хрена не помочь!

Я захлопнула дверь и, сжав кулаки так, что ногти вонзились в ладони, зашагала домой. С тех пор как с братом случился нервный срыв, с ним стало невозможно общаться. Затем он вообще подсел на наркотики. Чего только не принимал! Любые, какие только попадали ему в руки: кетамин, героин, кокаин. Врачи диагностировали у него биполярное расстройство<sup>[17]</sup>, но он отказался от их помощи и с тех пор занимался самолечением. Перепробовал все, что мог, чтобы избавиться от терзавших сознание демонов.

Сначала достала с полки шкафа одеяло, затем навалила полную тарелку рагу. Через пять минут снова вернулась в микроавтобус.

– Лола приготовила это для тебя.

– Лола? – недоверчиво спросил Уилл и пошевелился.

– Она какое-то время поживет у меня. Можешь прийти и повидаться с ней.

Осторожно накрыла ему одеялом ноги. Уилл уже сидел на койке, жадно поглощая принесенную еду.

– Вкусно, – пробормотал он.

– Знаю. Лола у нас по-прежнему мастер поднимать настроение едой.

Было приятно видеть, как он за обе щеки уплетает что-то существенное. Я протянула руку, чтобы убрать волосы с его глаз. Из золотистых они сделались какими-то выцветшими, оттенка сырой соломы. На висках проступила ранняя седина. Наконец Уилл все доел и отставил в сторону пустую тарелку. Его взгляд снова обрел фокус.

– Почему ты обо мне заботаешься, Элис? – спросил он так тихо и таким до боли знакомым голосом, что я не сразу нашлась с ответом. – После того, что я тебе сделал? Зачем тратить на меня время?

Я положила руку на его лодыжку.

– Потому что ты мой брат, вот почему.

Он снова смежил веки. Не знаю, что Уилл там такое принял, но он явно впадал в забытие. Накинув одеяло ему на плечи, я поцеловала его в щеку.

– Приходи, когда выспишься, Уилл. Не оставайся здесь надолго, иначе замерзнешь.

Не знаю, что меня так разозлило, когда я вышла из микроавтобуса. Истинную причину определить трудно. Шагая к подъезду, я пнула ногой урну, но это не помогло.

Вернувшись к себе, включила телевизор. Обычно я почти его не смотрю. Щелкая пультом и перескакивая с канала на канал, выбрала романтическую комедию с Томом Хэнксом и Мег Райан. Фильм этот мало чем отличался от прочих, в которых они снимались, – душевный и слезовыжимательный. Должно быть, я заснула, потому что грохот вырвал меня из сна и вернул в привычный мир. Это Уилл колотил во входную дверь. Наверное, наконец одумался и пришел провести ночь в тепле.

Увы, стоявший на пороге человек не был моим братом. Позднее я пришла к выводу, что зря не захлопнула дверь перед его носом и не вызвала полицию. Но ведь я была сонной и плохо соображала. К тому же что я могла сделать?

На пороге, перекрывая путь к бегству, стоял Моррис Клей. Мое сердце бешено заколотилось о ребра.

– Что вы здесь делаете, Моррис?

Он выглядел точно так же, как и в Уэндсворте: растрепанные мышинового цвета волосы, перекошенные черты лица, бегающие глазки.

– Вы были добры ко мне, – промямлил он. – Женщина из библиотеки с помощью компьютера помогла узнать, где вы работаете. После этого я выследил вас и узнал, где живете.

Мой язык прилип к нёбу. Похоже, Моррис Клей, как только вышел из тюремных ворот, тут же задался целью выяснить мой адрес.

– Вам не следовало этого делать, Моррис. Полиция могла сразу вернуть вас обратно.

Я попыталась дышать ровно и размеренно.

– Но поскольку вы сейчас здесь, может, выпьете что-нибудь или поедите, прежде чем уйти?

Моррис покачал головой. Тем временем его возбуждение нарастало. Он переминался с ноги на ногу, сжимал и разжимал кулаки. Я оглянулась, пытаюсь вспомнить, где оставила телефон.

– Понимаете, вы мне понравились, – произнес он. – Я подумал, что вы позволите мне остаться у вас.

– Боюсь, здесь нет места, Моррис. Со мной живет подруга. – Я посмотрела на часы. Почти полночь. Лола, по всей видимости, сейчас топит свои печали в море веселья. Или же спит на чьем-то диване.

Лицо Морриса Клея исказилось гримасой. Было трудно понять, сердится он или чего-то боится.

– Я не могу вернуться к себе. Там в каждой комнате вещи мамочки.

– И вам невыносимо их видеть?

– Она оставила у дверей свои тапочки и всякую всячину. – Мне показалось, что Моррис Клей вот-вот расплачется.

– Где же вы живете?

– Прошлой ночью я спал в парке. Мне некуда больше идти.

– Да, на скамейке не слишком-то выплывешься.

– Джинни разрешала с ней спать. – Он улыбнулся и сделал шаг вперед. – А вы так на нее похожи.

Я посмотрела ему в глаза и увидела в них лишь одиночество и ни малейшего намека на насилие. Однако здравый смысл возобладал. Мой пульс участился. До меня дошло: отсидевший срок убийца признался мне, что я похожа на его жертву.

– Нет, Моррис. Вам нужно пойти домой. Прямо сейчас.

Я потянулась к дверной ручке, но он схватил меня за руку.

– Прошу вас, только на одну ночь. – Его пальцы сомкнулись на моем запястье. – Утром я уйду. Обещаю вам.

Прежде чем я успела высвободиться, он схватил меня за другую руку.

Инстинкт подсказывал мне, что самое правильное сейчас – выбежать из квартиры. Но

Моррис Клей исполнен решимости добиться своего и в два раза сильнее меня. Я попыталась вырваться, но больно ударилась головой о дверной косяк – так, что из глаз посыпались искры.

Одному богу известно, сколько я пробыла без сознания. Первое, что я поняла, очнувшись: я лежу на спине в прихожей, а надо мной склонилась Лола.

– Черт побери! – произнесла она. – Ну и фигня!

Во рту у меня был неприятный металлический привкус, перед глазами появлялись и исчезали черные мушки. На пол упало несколько капель крови.

Я осторожно села.

– Что случилось?

– Я огрела его по башке настольной лампой. – Голос звенел гордостью, словно ей полагалась медаль за чудеса героизма. – После чего позвонила в полицию.

По всему полу были рассыпаны осколки фарфоровой лампы.

– Он убежал?

Моя подруга кивнула.

– Он прижимал тебя к стене. Пытался тискать.

Когда потрогала щеку – она горела огнем.

– Не шевелись! – велела мне Лола. – Я принесу лед.

Когда прибыл сержант Альварес, я сидела на полу, прижимая к глазу пакет с замороженным зеленым горошком. Невольно стиснула зубы. Он склонился надо мной с таким видом, будто вознамерился выплеснуть на меня новую порцию высокомерия.

– Согласитесь, что в последнее время вам не слишком везет, доктор Квентин.

– Вообще-то не совсем так. Этот случай – исключение.

– Получается, из-за вас меня вытащили из постели. Позвонили из участка. Как вы знаете, имя Морриса Клея стоит первым в списке тех, кого разыскивает полиция. Дайте-ка взглянуть на ваше лицо, – сказал он, наклоняясь еще ближе. Лицо хмурое. Между бровями залегла вертикальная складка; было похоже, что он все свое свободное время переживает по поводу тех дел, которые никак не может расследовать. Я подняла голову. Он поморщился. – Как вы посмотрите на то, что я отвезу вас в больницу?

– Из-за разбитой губы и пары синяков? Не смешите. Если к утру мне станет хуже, сама обращусь к врачу.

Альварес протянул руку и прижал к моей щеке холодный компресс.

– Послушайте, мне ужасно не хочется в очередной раз читать вам лекцию о соблюдении личной безопасности.

– И слава богу.

– Но зачем вам в двери глазок, если вы не желаете им пользоваться?

– Неправда, я пользуюсь. Просто кое-кого ждала.

– Вашего приятеля?

– Нет.

– Она ждала меня, – сообщила, выходя из гостиной, Лола.

Альварес отреагировал как все мужчины, которые видят мою подругу в первый раз. Она стояла в дверном проеме, высокая, с лилейной кожей, огненно-рыжими волосами до плеч, прямо муза прерафаэлиты<sup>[18]</sup>.

В конце концов Альварес перевел взгляд на меня. Может, мне показалось, но его лицо теперь было совсем рядом с моим. Я видела темные круги под глазами. Не вставая, я стала

отодвигаться, пока не уперлась спиной в стену.

– Моррис Клей не хотел причинять мне вреда, – невнятно промямлила я.

– Так вы его теперь защищаете? – удивленно покачал головой Альварес.

– Он напуган, только и всего. Искал, где ему спрятаться.

– Вы с ума сошли. Вы хотя бы понимаете, что ваша жизнь в опасности?

Он встал и выпрямился. Наверное, решил, что со мной говорить бесполезно.

– В будущем закрывайте дверь на оба замка.

С этими словами Альварес вышел. Какое-то время до меня доносилась его тяжелая поступь по коридору.

– О господи! – прошептала я. – Он разговаривал со мной, как с пятилетним ребенком.

– По крайней мере, он говорил с тобой, – сказала Лола. Ее глаза заволокло туманной дымкой, и они как бы утратили фокус. – И почему такие шикарные мужики всегда оказываются женатыми?

– Ты находишь его красивым?

– О боже, да! Ты еще спрашиваешь! Ты видела его обручальное кольцо? Оно толщиной в полдюйма<sup>[19]</sup>.

\* \* \*

На следующее утро я провела в душе дольше обычного, тщательно смывая воспоминания и следы ночных событий. Вчерашняя встреча с Моррисом Клеем не нанесла мне смертельных ран, разве что продолжал болеть правый глаз. Увы, когда я посмотрелась в зеркало, выяснилось, что внешне все обстоит гораздо хуже. Скула опухла, вся в синяках, но, слава богу, зрение в норме. Лопнувшая губа уже понемногу начала заживать. Я наложила тонкий слой тонального крема, надела черную шерстяную юбку и белую шелковую блузку.

Лола, в ярко-синем спортивном костюме, сидела на кухне и пила кофе. При моем появлении она вытаращила глаза.

– Только не говори, что собралась на работу.

– Конечно, собралась.

– Элис, вчера ночью на тебя напал сумасшедший. Он стукнул тебя по голове, и ты потеряла сознание. Отлежись дома, поешь шоколаду, отдохни, как нормальный человек.

– Не могу. Я с ума сойду от безделья.

– Боже праведный! – воскликнула Лола и театрально вскинула руки. – Ты не человек, ты бездушный робот! У тебя никаких человеческих чувств!

– Наконец-то ты меня раскусила. Кстати, а ты сегодня куда намылилась?

– На урок танцев. Попытаюсь вернуть былую форму.

Она пристально посмотрела на свои длинные, растущие едва ли не из ушей ноги, словно за ночь они могли стать короче.

\* \* \*

К счастью, коллеги вежливо проигнорировали следы вчерашней встречи с Клеем. Психологи этим всегда славились. Специфика нашей профессии такова, что мы отвыкаем

задавать прямые вопросы или говорить то, что думаем.

Мой начальник Хари вывел меня в коридор. Мы дружим вот уже несколько лет, и я ни разу не видела его неопрятным: неизменно в дорогом костюме, с ухоженной бородой и в шафранового цвета тюрбане. Хари все утро ходил вокруг да около, пытаюсь найти подходящий момент для серьезного разговора. Это его специальность – тонкая психологическая консультация без острых углов, чтобы никого не оскорбить, не расстроить и не опарашить.

– Давай спроси меня, откуда этот синяк, Хари. Я же вижу, что ты стораешь от любопытства.

Шеф одарил меня своей обычной умиротворенной улыбкой.

– Судя по твоим словам, это ты стораешь от нетерпения мне все рассказать.

– Реверсивная психология, Хари. Моя любимая методика.

Карие глаза шефа задумчиво изучали мое лицо, и стало понятно, почему моя подруга Теджо вышла за него замуж. Будь на дворе шестидесятые, он бы точно отрастил бороду и стал гуру. Звезды поп-музыки платили бы ему сумасшедшие деньги, лишь бы только сидеть, скрестив ноги, рядом с ним, внимая крупицам его мудрости.

– Я не собираюсь спрашивать тебя, Элис, про синяки, но я убежден, что ты слишком много работаешь, и это не может не вызывать беспокойства. Ты мой звездный игрок. Прошу, не загоняй себя.

Прежде чем уйти, он на секунду положил мне на плечо руку.

Приняв последнего пациента, я отправилась на другой этаж, взглянуть на жертву анорексии. Мать все так же неподвижно сидела возле кровати, как приросшая к своему месту. Она кивком поздоровалась со мной: усталость, вероятно, лишила ее сил говорить. На подносе Лоры в ярко-желтой лужице крема лежал ломтик шарлотки.

Лора была в сознании. Правда, кожа бледная и тонкая, как бумага. Когда я подошла к кровати, она посмотрела на меня глубоко запавшими глазами пятидесятилетней женщины, а не девушки пятнадцати лет. Ее щеки покрывал мягкий пушок – признак того, что в ней бушуют гормоны, в то время как изголодавшееся тело жадно пожирает последние запасы жира. Вспышка ярости с ее стороны стала для меня полной неожиданностью.

– Даже не надейтесь. Я не стану есть это дерьмо! – она со злостью – откуда только взяли силы! – оттолкнула тарелку. Крем выплеснулся на столик.

– Знаю, что не могу заставить тебя, – ответила я, выдержав ее взгляд. – Я могу помочь тебе, но самую тяжелую работу тебе придется проделать самой.

Уходя, я чувствовала облегчение, потому что знала: Лора поправится.

Ее ярость означала, что она по-прежнему борется за жизнь. Тревогу обычно вызывают те, кто прекратил борьбу. Такие неподвижно лежат, накрывшись одеялом, желая поскорее уйти из жизни.

\* \* \*

Когда вернулась домой, Лолы там не было. На коврик перед дверью дожидалась стопка почты. Подобрав конверты, я вошла в квартиру, бросила их на кухонный стол, а сама выглянула в окно. Микроавтобус Уилла куда-то укатил, зато на другой стороне улицы стояла полицейская машина. Внутри сидели двое полицейских и жевали сэндвичи. Не знала,

злиться мне или благодарить судьбу за то, что Бен Альварес не спускает с меня глаз на тот случай, если ко мне на огонек заглянет еще один свежесвыпущенный.

Я надела кроссовки и быстро спустилась вниз, перескакивая сразу через две ступеньки. Один из полицейских удивленно уставился на меня. По всей видимости, мое поведение не напоминало поведения жертвы.

Маршрут пролегал на запад, к Тауэрскому мосту. Это мой любимый лондонский мост, изящный, как спичечный домик, но в то же время удивительно прочный, раз уж способен выдерживать миллион машин в год. А еще он умеет широко открывать свои челюсти, чтобы пропустить самый большой линкор военно-морского флота.

Достигнув Сент-Кэтринз Док, я побежала по левому берегу Темзы дальше, вдоль пристани Кэпитал-Уорф. Прилив почти закончился, и огромная масса воды лениво катилась на восток.

У Старой Лестницы в Уоппинге мои икры уже горели. Я села на верхнюю ступеньку и принялась наблюдать за тем, как по реке стрелой мчится катер речной полиции. Прямо передо мной раскинулось полотно бурого ила. Пахло канализацией и солями – всем, что по пути вбирала река.

\* \* \*

Вернулась домой в начале десятого. Полицейского автомобиля и след простыл. От Шона на автоответчике два сообщения. Первое – спокойное и разумное. Второе – будто от другого человека.

«Ты струсил, Элис. Ты сбежала, потому что в тебе проснулись чувства, верно? Это гребаный идиотизм. Ты психотерапевт, знаю, но тебе самой нужна помощь».

Он продолжал говорить в таком духе еще несколько минут. Постоянно повторял, что я боюсь собственных чувств, перечислял причины, почему мы должны быть вместе. Тон его варьировался от нежности до ярости. Временами казался совершенно неменяемым. Не иначе, придя домой, выпил целую бутылку вина. Я нажала на кнопку и стерла сообщение. Затем вошла на кухню, поставила спагетти и, порывшись в холодильнике, достала соус и остатки пармезана.

Наконец ужин был готов. За едой я решила просмотреть бумажную почту. Общество защиты животных прислало мне письмо, приложив к нему фотографию золотистого лабрадора. Пес печально смотрел в объектив с таким видом, словно я его последняя надежда. Банк извещал меня о том, что ипотека ежемесячно забирает у меня две трети жалованья. Засунув письмо обратно в конверт, я попыталась не думать о том, сколько еще лет мне гнуть спину, чтобы рассчитаться за кредит.

Проглотив еще немного спагетти, перешла к новому конверту. Судя по штемпелю, письмо отправлено из Центрального Лондона. Почерк незнакомый, крошечные буквы с наклоном влево, их точно ветром клонит назад. Письмо было написано на белой бумаге хорошего качества. Обратный адрес, дата и подпись отсутствовали.

*Дорогая Элис!*

*У меня такое чувство, что я тебя уже знаю. Ты из тех, что работают допоздна, потому что тебе кажется, что ты помогаешь людям. Потом отправляешься бегать –*

*почти каждый день. Ты выглядишь иначе, когда бегаешь. Спокойна, словно знаешь, что никто тебя не догонит и тебе некого бояться. Одно тебе невдомек: боль – она как тесная связь. Она раскрывает. Когда человеку больно, он не может ничего утаить. И тогда можно заглянуть ему внутрь.*

*Я с нетерпением жду возможности заглянуть внутрь тебя.*

Вилка выскользнула из моей руки. Неожиданно горка спагетти показалась мне безобразной: брызги красного соуса, запекшиеся на бледных волокнах. Я выбросила содержимое тарелки в мусорное ведро и вышла на балкон. Не знала, что делать. Порвать письмо или признать его существование – как существование сильнейшей зубной боли, которая не желает отступить?

На следующее утро я тщательно выбрала наряд. Обычно в выходные надеваю что-нибудь попроще и расхаживаю по дому в джинсах и старых кроссовках. Но в ту субботу это были черные узкие брючки, кашемировый кардиган и сапоги на высоком каблуке. Волосы собрала в конский хвост и надела лучшее пальто.

На улице не увидела микроавтобуса Уилла, а вот полицейская машина вернулась на боевой пост. Правда, с новой парой полицейских. На пассажирском сиденье расположилась молодая женщина, явно заигрывавшая с водителем. Они настолько оказались увлечены обществом друг друга, что даже не заметили, как я вышла из дома.

Засунув руки в карманы пальто и ругая себя за то, что не взяла перчатки, я прошла вдоль Тули-стрит к вокзалу, расположенному возле Лондонского моста. Здесь на восьмой платформе стала ждать поезд, заодно наблюдая за другими людьми. По выходным вокзал не узнать. Тихо, безлюдно, никакой толкотни. Можно никуда не торопиться, можно идти обычным шагом, не опасаясь, что тебя собьют с ног спешащие в свои офисы клерки в дорогих костюмах.

Поездка в южном направлении заняла менее тридцати минут. Поезд ехал по знакомой мне территории: мимо многоэтажных домов Кэмберуэлла, мимо грязной крыши торгового центра в Луишеме и знавших лучшие дни домов Викторианской эпохи из красного кирпича, что тянулись миля за милей.

В Блэкхит я прибыла в начале одиннадцатого. Представители старшего поколения присутствовали здесь на каждом шагу: выгуливали ухоженных собачонок, разглядывали витрины с дизайнерскими кухнями. Я заметила мать раньше, чем она увидела меня. Мама сидела у окна своей любимой кофейни за своим обычным столиком.

Выглядела она как всегда: безупречно уложенные седые волосы, элегантная неброская одежда.

– Здравствуй, дорогая! – произнесла она и поцеловала меня в щеку.

– Надеюсь, я не опоздала, мама.

– Твое лицо, – пробормотала она. – Что случилось?

– Ничего, пустяки. Поскользнулась на обледенелом тротуаре.

Мать с ужасом рассматривала «фонарь» у меня под глазом.

– Что ты будешь? – спросила я.

– Как обычно.

Я изучила меню.

– Для меня яйца-пашот и тост из хлеба грубого помола.

– По крайней мере, ты хотя бы что-то ешь, дорогая. Это добрый признак.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что тебе дальше некуда худеть, Элис. Ты и так тощая.

– Я не потеряла ни унции, мама. Мой вес десять стоунов<sup>[20]</sup>, как всегда.

– Вообще-то это был комплимент. – Мать вскинула руки, будто пытаюсь успокоить разъяренного зверя. – Боже мой! Какая ты стала раздражительная. Или у тебя неприятности на работе?

Я мысленно досчитала до десяти, прежде чем ответить:

– Нет, на работе все в порядке. В марте у меня появится помощница-практикантка.

Мать пристально посмотрела на меня своими светло-серыми глазами. На ее лицо был наложен обычный легкий, почти незаметный макияж, искусно скрывавший морщинки и прочие изъяны кожи.

Она откусила краешек круассана с марципаном.

– Ты видела брата?

– Пару раз на этой неделе. Он все такой же.

Мать не сводила с меня глаз, наблюдая, с какой жадностью я ем.

– Он все еще ходит в эту свою группу?

– Не уверена, – ответила я. – Уилл никогда мне ничего не рассказывает.

Мать нахмурилась. Неожиданно она словно состарилась: вокруг глаз появились глубокие морщины.

– Почему бы ему не пожить у тебя, Элис?

– Я уже тебе говорила, все не так просто, как кажется.

– Но не может же он вечно ютиться в этом автобусе! У тебя ведь есть квартира. – В ее голосе все громче слышалось недовольство, она, казалось, забыла, что мы с ней в кафе не одни.

– Согласись, с тем же успехом он мог бы пожить и у тебя, разве не так? – произнесла я, стараясь говорить как можно спокойнее. – У тебя есть свободная комната.

– Это удар ниже пояса, – ответила она. – Ты прекрасно знаешь, что он не отвечает на мои звонки.

Пришлось отложить вилку в сторону.

– Давай оставим эту тему, а не то мы точно поссоримся.

– Хорошо, тема закрыта, – согласилась мать, буравя меня взглядом. – Но помни, Элис, он твой брат. Ты должна помогать ему.

Я ответила ей таким же пристальным взглядом.

– Мы обе должны помогать ему, мама.

Бессмысленно объяснять, сколько раз я просила Уилла переехать ко мне. У нее все равно нашелся бы повод раскритиковать меня. В этом отношении с того времени, как умер отец, ничего не изменилось. Впрочем, мне понятно, почему она перекладывает вину на чьи-то плечи. Нежелание взять на себя ответственность вошло в ее плоть и кровь, стало второй натурой. Так она выживала. Семья рушилась у нее на глазах, отец беспробудно пил и постоянно выискивал себе новую жертву.

В этом нет ни капли ее вины. Пока весь остальной мир считал, что мы прекрасно ладим, как и любая приличная семья среднего класса, она могла считать, что исполняет свой долг. Может, она и страдала от того, что, когда мы с Уиллом были детьми, ей не всегда удавалось уберечь нас от отцовского гнева. Но вряд ли она готова в этом признаться, ибо для этого пришлось бы хоть на минуту снять маску Снежной королевы.

Наш запоздалый завтрак закончился как обычно. Она сообщила, что побывала на вечеринке бывших работников библиотеки, рассказала, какой невыносимый у Шейлы муж, поведала о выставке скульптуры в галерее Хейвард. Мне же снова было нечего рассказать.

– Но ведь в твоей больнице наверняка есть приятные мужчины?

– Я особенно не присматривалась.

– По-моему, пора, моя дорогая.

Когда мы прощались, ее рука повисла над моим плечом; она, судя по всему, хотела прикоснуться ко мне, но не решилась.

– В это же время ровно через две недели?

– Хорошо, мам. Я позвоню.

Она завязала пояс элегантного серого пальто и натянула на руки замшевые перчатки, которые или прекрасно сохранились с давних пор, или были куплены совсем недавно. Я заказала себе еще одну чашку эспрессо и проводила ее взглядом. Она ушла легкой походкой, с прямой спиной, словно все эти годы не знала никаких забот.

До отхода поезда у меня осталось время прогуляться по вересковой пустоши. Когда-то в детстве я проходила по ней каждый день по пути в школу; небо над головой было таким огромным и совершенным, что мне становилось удивительно легко на душе. Теперь горизонт сделался другим, более изрезанным; вдаль маячили кварталы высотных зданий. Без них пейзаж со стороны пустоши выглядел таким, что и в девятнадцатом веке: элегантные ряды четырехэтажных георгианских<sup>[21]</sup> домов, лужайки перед ними пересечены тропинками, по которым степенно прогуливаются обитатели.

Всю дорогу до Морден-роуд ветер продувал меня насквозь. Я шагала к нашему старому дому впервые с тех пор, как его продали. Впрочем, подойдя к перекрестку, порядком перетрухнула. Сердце бешено стучало, однако я заставила себя подойти ближе к большому двухквартирному эдвардианскому<sup>[22]</sup> дому. Правда, теперь его не узнать: он смотрелся совершенно другим. Старые деревянные окна сняли и поставили вместо них стеклопакеты. На месте жалкой оградки появилась дорогая серебристая.

Я попыталась применить к себе упражнение, которое неплохо излечивает всевозможные фобии. «Подойди ближе к объекту страха, пока не поймешь, что он не опасен. Дождись момента, когда исчезнет беспокойство». Инстинктивное желание пуститься наутек было почти непреодолимым, но я заставила себя задержаться перед домом на пять минут, быстро переводя взгляд с остроконечной крыши на кирпичные стены и на вишню, которую мать посадила возле дома, когда мне исполнилось пять лет. Кто знает, наверное, я ожидала, что сейчас кто-то выскочит и затащит меня назад в прошлое и против моей воли будет держать под замком.

\* \* \*

Когда вернулась домой, Лола сидела, развалившись на диване, и смотрела по телевизору старый черно-белый фильм. Я села рядом.

– Она прекрасна, правда? – вздохнула моя подруга, не отрывая глаз от экрана, где царствовала Кэтрин Хепберн в черном вечернем платье и длинных театральных перчатках. – Дело в скулах.

Не особенно вникая в суть происходящего в фильме, я понаблюдала минут пятнадцать за тем, как герои то ссорятся, то снова мирятся.

– Где ты была? – спросила Лола.

– В Блэкхите.

– А-а-а, в родных пенатах, – отозвалась она. – Выпить хочешь?

– Джина, если можно. О тонике можешь не беспокоиться.

– Неужели все так плохо? – хихикнула Лола. – Ничего, попозже будет вечеринка.

– В честь чего?

– Просто вечеринка, Элис. Совсе не обязательно устраивать ее по какому-то поводу.

– Я не в настроении, если честно.

– Настроение придет. Ну, пойдем посмотрим, что там в твоём необъятном гардеробе.

Лола вихрем пронеслась по моей одежде.

– Господи, Элис, тебе только работать в похоронном бюро. У тебя шесть черных костюмов.

– Ещё не поздно переквалифицироваться, – пошутила я.

Лола вытащила из шкафа коротенькое серебристое платье и приложила ко мне.

– Ни за что! Я его уже десять лет не надевала.

– Для танцев самое то.

– Да я в него, пожалуй, уже и не влезу.

– Чушь! – Лола свирепо посмотрела на меня: – Ты выходишь в свет, Элис, поняла?

Позволь перед выходом тебя немного привести в божеский вид.

Представление о божеском виде включало в себя завивку волос, покраску ресниц и наложение полутонны тонального крема. Перед тем как спуститься и сесть в такси, она заставила меня вновь посмотретья в зеркало. Серебристое платье чарующе мерцало во всех нужных местах. Подруга башней возвышалась надо мной в коротком зеленом платье и легинсах, обтягивавших ее длинные ноги, как вторая кожа.

– Мы потрясающе выглядим, – проворковала она. – Мужики из-за нас будут рвать друг друга в клочья.

\* \* \*

Друзья Лолы жили рядом с вокзалом Ватерлоо в квартире с крошечной гостиной. Когда мы приехали, вечеринка уже была в самом разгаре.

В воздухе ощущался явственный запах «травки». Основную часть собравшихся, по всей видимости, составляли актеры. Голоса в два раза громче обычного, томные позы, наигранная жестикуляция. Не успела Лола переступить порог квартиры, как моментально бросила меня на произвол судьбы.

– Пойду строить глазки. Здесь полно театральных агентов, – успела она шепнуть, прежде чем раствориться.

Вскоре она уже стояла, прислонившись к стене, и делала вид, что внимательно слушает какого-то малосимпатичного коротышку, будто он самый обаятельный собеседник в мире. Я же вспомнила, почему перестала ходить на вечеринки. Комната была так плотно набита людьми, что невозможно дышать. Неожиданно мне улыбнулся какой-то блондин с неестественно белыми зубами.

– По-моему, я где-то вас видел, – произнес он. – Кажется, в Донмаре в пьесе Чехова, верно?

Я отрицательно помотала головой.

– Да ладно вам. Потом расскажете.

Схватив мою руку, он потащил меня через застекленные двери на расположенную на крыше дома террасу. Народ отплясывал под микс мотауна и транса. Казалось, два разных поколения отчаянно сражались в каждой новой песне. Блондин назвал мне свое имя, но из-за оглушительной музыки я его не расслышала. Поскольку мы уже начали танцевать, это не имело значения.

Чтобы выйти на танцпол, мне хватает пары рюмок, и если я вошла в раж, то меня уже не остановить. Состояние такое же, что и при беге. По жилам разливается алкоголь и гормоны счастья. После нескольких песен мир обрел более привлекательные очертания, и поездка в Блэкхит отодвинулась куда-то на задворки сознания.

– Хотите еще выпить? – спросил, вернее, прокричал мне на ухо все тот же блондин.

Я отрицательно мотнула головой, и он исчез. Его место тотчас занял другой, с красивыми чертами уроженца Северной Африки. Затем к нам присоединилась особа с пронзительно-красной губной помадой и невероятно короткой стрижкой. После этого я танцевала одна, не обращая внимания на холод, потому что отдалась на волю музыкальным ритмам. Когда зазвучала более медленная музыка, я наконец сдалась и вернулась в гостиную, где стала продираться через толпу в поисках стакана воды. Блондин с безупречными зубами встретил меня бесстрастным взглядом, глядя куда-то сквозь меня. Теперь он крепко держал за талию симпатичную девицу в золотистых шортиках, опасаясь, видимо, что она вырвется.

Лола по-прежнему слушала своего коротышку, который, к счастью, не понимал, насколько безнадежно она выглядит. Я по пути из квартиры отправила ей воздушный поцелуй.

Два часа танцев сделали свое дело. Тело полностью расслабилось, между лопатками выступил пот. Чтобы не простудиться в ожидании такси, я бодро зашагала по Стэмфорд-стрит, но через полчаса поняла, что туфли превратились в инструмент пытки. На южном берегу Темзы все еще было многолюдно. Народ расходился после вечеринки, устроенной на первом этаже Башни «Оксо»<sup>[23]</sup>.

Когда дошла до Сити-холла, алкоголь почти полностью выветрился. Каждый шаг причинял адскую боль, и я искренне усомнилась в здравомыслии женщин, которые повсюду ходят на высоких каблуках. Может, ими изобретен безболезненный способ передвижения на шпильках на большие расстояния?

На улицах становилось все меньше людей. Кучка туристов стояла на Тауэрском мосту в ожидании такси. Променад на Чайна-Уорф был пуст. Я прошла по деревянному мостику между пакгаузами, что высились надо мной восьми- или десятиэтажными громадами.

Не знаю почему, но мне стало страшновато. Я слышала чьи-то шаги, хотя поблизости никого не было видно. Наверное, это паранойя, последствия выпитого алкоголя.

Между тем шаги раздавались ближе. Мне стоило немалых усилий сохранять спокойствие. Что, если я приняла за чужие шаги собственный участвовавший пульс или цоканье каблуков? С великим облегчением вышла на Провиденс-сквер. Странно, но не увидела ни полицейской машины, ни микроавтобуса брата.

– Вы припозднились, – раздался за моей спиной голос.

– О господи! – воскликнула я. От неожиданности сердце едва не выскочило у меня из груди. – Что вы здесь делаете?

Из темного закоулка между подъездами вышел детектив Альварес.

– Вытянул короткую спичку.

– Простите, не поняла.

– Сегодня моя очередь вас охранять.

Я не знала, что ему ответить. Как обычно, он стоял слишком близко, все в том же черном длиннополом пальто. Мои глаза находились на уровне его губ.

– Где вы были?

– На вечеринке. Но вообще-то это не ваше дело.

– Это ваша обычная реакция на стресс? – спросил он и неодобрительно покачал головой. – Вырядиться и как следует оттянуться?

– Это лучше, чем сидеть дома и хандрить.

– Вас что-нибудь тревожит, доктор Квентин?

– Что вы хотите этим сказать?

– Неужели все ваши эмоции вы расходуете только на пациентов?

– Вы ни черта обо мне не знаете. И вы не имеете права говорить такие вещи.

С этими словами я шагнула к своему подъезду, но он схватил меня за руку и наклонился, чтобы поцеловать меня. Сначала я решила не противиться, но в последний миг передумала. Его теплое дыхание коснулось моей щеки. По спине пробежала легкая волна мурашек.

– Простите, – пробормотал он. – Это совершенно неприемлемо.

– Разумеется, – отозвалась я.

Альварес по-прежнему стоял слишком близко, а моя рука, которой я отталкивала его, оставалась лежать у него на плече. Его лицо нависло над моим. Он словно взвешивал шансы, не зная, повторить попытку или же воздержаться.

– Знаете, я могу пожаловаться на вас, – прошептала я.

– Кому? – Он пристально посмотрел мне в глаза. – Бернс даже пальцем не пошевелит.

– Тогда вашей жене.

На его лице читался ужас.

– Я могу все объяснить.

– Что собираетесь развестись? – усмехнулась я.

На этот раз он даже не пытался остановить меня. Пока я поднималась по лестнице, ноги мои заплетались, отказываясь повиноваться мне. Стрелки будильника на кухне показывали два часа ночи. Впрочем, ложиться спать бессмысленно. Мысли до самого утра будут танцевать у меня в голове, не зная ни минуты покоя.

Я еле заснула. Все злилась на Альвареса за попытку поцеловать меня. Впрочем, и на себя тоже – за невольное желание ответить на поцелуй. Похоже, он привык знакомиться с женщинами, с которыми встречается по делам службы, любит приударить за ними, а затем возвращается домой к своей многострадальной жене и жалуется на трудности работы. Мне было не по себе от того, что я никак не могла выбросить из головы прикосновение его руки и взгляд человека, вознамерившегося прочитать мысли.

Когда же я наконец уснула, мне приснилось кладбище Кроссбоунз. Сквозь чугунные кованые ворота я заглядывала внутрь, в темноту. Бетонированная площадка превратилась в сад, где огромная толпа женщин устроила вечеринку. С деревьев свисали фонарики, одни беззаботно танцевали, другие, весело болтая, расположились возле костра.

Какое-то время никто не замечал, что я наблюдаю за ними, но затем одна из женщин обернулась и посмотрела в мою сторону. Разговоры тотчас прекратились, музыка смолкла. Мертвая девушка вернулась к жизни, однако вырезанные на ее теле кресты никуда не делись. Они браслетами краснели на ее запястьях. Передо мной проплывали женские лица. На них не читалось ни враждебности, ни дружелюбия. Скорее, ожидание: что я буду делать дальше? Они продолжали следить за мной, даже когда я вынырнула из сна в реальность.

Голова изрядно кружилась. Лолин образ жизни с джином и шумными вечеринками за полночь определенно противопоказан моему организму. На кухне я прямо из упаковки осушила пол-литра апельсинового сока. Ноги все гудели от ночного марафона по лондонским улицам.

Заглянула в холодильник – проверить, воротит меня от еды или нет, но тут раздался стук в дверь. На пороге, дрожа с головы до ног, стоял Уилл. Впервые за несколько недель он пришел сам. На нем были грязные джинсы в черных жирных пятнах. Волосы слиплись и торчат клоками, похоже на то, что он месяц не мыл головы.

– Завтракать будешь? – спросила я.

– Он вернулся, – невпопад произнес мой брат. Его глаза были открыты так широко, что, казалось, вылезали из орбит.

– Кто он?

– Ночью, – стоял на своем Уилл. – Я видел его раньше, но не знал, на чьей он стороне.

– Тише, – сказала я и прижала палец к губам. – Лола спит.

– Он хотел, чтобы я пошел с ним.

– Успокойся, Уилл. Входи и расскажи все толком.

Он стоял посреди кухни и нервно переминался с ноги на ногу, словно спринтер, разогревающий перед стартом мышцы. При виде этого у меня участился пульс. Я слишком близко к сердцу принимаю рассказы брата о его глюках. И обычно пытаюсь уверить себя, что Уилл идет на поправку, стараясь не обращать внимания на его паранойю.

Я отрезала два куска хлеба, положила на них ломти сыра и сунула в микроволновку. Затем дала ему стакан сока. Увы, его руки дрожали так, что половина оказалась на полу. Не знаю, что стало тому причиной: воздействие наркотиков или еще одна проведенная на холоде ночь. Уилл проглотил бутерброды, почти не жуя, размазав вокруг рта расплавленный сыр.

– Он постучал мне в окно, – продолжил Уилл, засовывая в рот еще один кусок хлеба. – Я

узнал его.

– Он из полиции?

Уилл покачал головой.

– Пообещал, что даст мне еды и денег и устроит на ночлег.

– Но ведь то же самое ты можешь получить здесь, у меня.

– Он ничего от меня не хотел, даже не пытался мной командовать. – В голосе Уилла на миг послышалась горечь, но тут же угасла. Когда он заговорил снова, то напомнил мне маленького ребенка. – Я пообещал, что пойду с ним, но он убежал. Должно быть, я сказал что-то не то.

Мне показалось, что Уилл вот-вот расплачется.

– Не надо никуда ходить с посторонними людьми, Уилл. Если тебе что-то нужно, приходи ко мне. Ты же знаешь, я всегда тебе помогу.

Негромко разговаривая с самим собой, он устроился на краешке табурета, словно рядом с ним сидел некий незримый друг. Я затруднялась сказать, был тот человек, которого он якобы видел ночью, реальным или вымышленным. Главное, брат немного поел. Может, позже я даже уговорю его принять ванну.

На кухне висел его запах: кисловатый от влажной одежды, немытого тела и каких-то химикатов. К тому времени, когда я приняла душ и позавтракала, Уилл уже уснул на диване в гостиной. Он глубоко и беспокойно дышал, будто несколько недель не смыкал глаз. Я уже собралась выйти из дома, чтобы купить воскресную газету, когда из спальни, завернутая в мое любимое синее кимоно, вышла Лола.

– Доброе утро, королева диско, – сонно улыбнулась она. – Как ты себя чувствуешь?

– Терпимо. Пришел Уилл. Спит на диване в гостиной.

Лицо Лолы осветилось улыбкой. Она всегда симпатизировала моему брату, но стоило ей открыть дверь гостиной и увидеть его, спящего, отощавшего, похожего на скелет, улыбки ее как не бывало.

– О боже, – прошептала она. – И давно это продолжается?

– Примерно полгода, но последние недели были просто ужас. Он отказывается идти к врачам. Боится, что те снова упекут его в больницу. Принимает первую попавшуюся гадость. Все, кроме лития, который ему действительно необходим.

Лола села рядом со мной и накрыла мою руку ладонью.

– Почему ты мне ничего не говорила, Элис?

– А что бы ты могла сделать? Я возила его к специалистам, но он каждый раз убегал.

– Бедняжка, – произнесла подруга, не сводя с меня своих зеленых глаз. – Скажи, когда ты в последний раз как следует плакала?

– На мой день рождения, когда мне стукнуло тридцать. Перепила водки.

– Ты пугаешь меня, Элис. В самом деле. Я реву, даже когда опаздывает автобус. Ты же вроде как научилась плакать. Все носишь в себе.

– Все так говорят.

– Потому что это правда.

– Кто-то же должен носить все в себе, особенно в нашей семье, – резко бросила я.

– Но зачем тебе взваливать на свои плечи все ваши заботы?

– Нужно, Лола. Я единственная, что у него осталось.

Она обняла меня за плечи.

– Знаешь, что тебе нужно?

– Боюсь даже подумать.

– Посмотреть «Историю любви»<sup>[24]</sup>. От души похлопаешь носом пару часов.

Лола вернулась в постель с тарелкой тостов. Я же продолжила ломать голову, что мне делать. Уже звонила в организацию «Анонимные наркоманы», изучила все местные и зарубежные реабилитационные клиники, но от любой из них не будет толку, если Уилл сам не захочет вылечиться.

Он спал, сжав кулаки, сражаясь во сне с неизвестными чудовищами. Я на цыпочках прошла в прихожую и заглянула в его рюкзак. Тот был набит грязной одеждой: носками, рубашками, джинсами. Все это в последний раз побывало в стиральной машине самое малое месяц назад.

На самом дне лежала книжка «Дзэн и искусство ухода за мотоциклом», клочок бумаги с какими-то телефонными номерами и комочек серебристой упаковочной фольги размером с ноготь. Я поднесла его к носу и понюхала. Марихуана с типичным запахом патоки и мускуса. Один бог ведает, какую гадость Уилл хранит под сиденьями своего микроавтобуса.

Только собралась положить все назад, как мое внимание привлекло что-то блестящее. Оказалось, нож. Я вытащила его наружу и взвесила на ладони – тяжелый и холодный. В школе учитель показывал нам такие пружинные ножи. Он предупредил, какое это опасное оружие. Неудивительно, что все мальчишки сразу захотели обзавестись такими же «выкидушками». На большой перемене они собирались за углом школы и хвастались своими ножами.

Я сняла нож со стопора, и наружу со щелчком выскользнуло шестидюймовое лезвие, острое как бритва. Таким можно в два счета порезать пальцы до самой кости.

Перед мысленным взором почему-то возник образ Уилла в детском возрасте. То, как он стоял, абсолютно безвольный и бессильный, пока отец избивал меня или мать. Не знаю, по какой причине, но брату никогда не доставалась порция тумачков. Он лишь наблюдал за нашим унижением. Я же никогда не задумывалась над тем, почему это так. Наверное, полагала я, Уилл избрал путь наименьшего сопротивления, был слишком напуган, чтобы убежать или позвать на помощь.

Впрочем, на его лице читался не только страх. Там был целый букет эмоций: возбуждение, нездоровое любопытство и даже зависть к отцовской силе. Я посмотрела на нож и убрала лезвие, тем более что Уилл заворочался. Похоже, он вот-вот проснется. Положила нож обратно в рюкзак.

К вечеру брат был уже гораздо спокойнее. Лола уговорила его принять ванну. Уилл даже не обиделся, когда та пошутила насчет его бородки.

– Косишь под битника<sup>[25]</sup>, Уильям?

– Кончились лезвия, только и всего.

– Возьми мои и освободи от щетины лицо. Нечего прятать такую красоту.

Сидя у себя в комнате, я прислушивалась, как Лола пытается заигрывать с Уиллом. Уже забыла, когда в последний раз видела брата таким спокойным. При желании он даже мог говорить целыми предложениями. Ночных незнакомцев больше не вспоминал. Наверное, находит общий язык со всеми, кроме меня. А борется только со мной.

Был уже десятый час. Альварес наверняка обвинил бы меня в преступном легкомыслии, узнай он, что я собралась на пробежку, но меня искусили кроссовки, терпеливо ожидавшие рядом с гардеробом. Когда я вышла из дома, не заметила никакой полицейской машины. Наверное, соглядателям надоело караулить меня на холоде или они поймали Морриса Клея и снова упекли его за решетку. Мне не сразу удалось подобрать нужный темп. Какое-то время я бежала вдоль Темзы на запад, в ожидании, когда придет второе дыхание, чувствуя, как ноют икры.

Оказавшись возле Современной галереи Тейт, я почувствовала, что могу бежать вечно. Следуя вдоль Темзы через Челси и Патни, устремилась дальше. Вскоре улицы кончились. Теперь река катила свои воды через поля. Перед Ламбетским дворцом заставила себя остановиться. Стоявший по ту сторону ограды охранник одарил меня колючим взглядом. Наверное, ожидал, что я перемахну через стену и начну швырять камни в витражные окна.

Пять раз глубоко вздохнув, я развернулась и побежала в сторону дома. Немного срезала путь, проскочив мимо очереди перед киоском с гамбургерами возле вокзала Ватерлоо. Это были те самые улицы, от прогулок по которым Альварес предостерегал женщин, улицы с обшарпанными муниципальными домами и заколоченными досками витринами. Меня почему-то занесло к собору Саутварк примерно в ста ярдах от квартиры Шона.

При каждом вдохе больно кололо в боку. В окнах Шона, над магазином, горел свет. Меня охватило неодолимое желание постучаться в его дверь. Захотелось, чтобы он набрал для меня ванну, намылil спину и уложил в постель. Впрочем, явно дело этим не ограничится. Шон наверняка снова попытается ко мне клеиться и давить на меня.

Стоило снова перейти на бег, как шов в боку снова напомнил о себе острой болью. Я тяжело прислонилась к стене у входа в затрапезного вида пивную и попыталась отдышаться. На вывеске был изображен ангел с лукавой улыбкой и сбитым набок нимбом. Наклонилась вперед в надежде, что боль скоро уйдет.

– С тобой все в порядке, милая?

Я подняла глаза. На невысокую стену рядом со мной уселась темноволосая, сильно накрашенная женщина в короткой юбке.

– Все нормально, спасибо, немного запыхалась.

– Видать, малость переусердствовала, верно?

– Да, похоже на то.

Незнакомка, судя по всему, моего возраста, но возле рта у нее уже залегли глубокие морщины, словно она появилась на свет с сигаретой в зубах. Глаза голубые, с легкой поволокой. Она наигранно передернулась.

– Просто охренеть как холодно, да? – пожаловалась, клацнув зубами.

– Да вы зайдите внутрь, со мной все в порядке.

Незнакомка пострела на меня как на дурочку.

– Не могу, милая. Я на работе.

– На работе?

Она кивнула на проезжавшие по улице машины:

– Не хочу упускать постоянных клиентов.

Я оценила ее наряд. Короткая юбка, черные колготки, туфли на шпильках, алая губная помада. Густо подведенные глаза – а-ля Клеопатра.

– Простите, плохо соображаю. Мозги просят кислорода.

На противоположной стороне улицы остановилась машина. Оконное стекло возле

водительского сиденья опустилось на несколько дюймов, но в следующий миг автомобиль унесся прочь.

– Козел гребаный! – буркнула незнакомка и сделала вслед автомобилю неприличный жест.

– Давно этим занимаетесь? – поинтересовалась я.

– Дольше, чем хотелось бы, – ответила она, криво улыбнувшись. – Кстати, ты слышала про девушку, которую нашли на кладбище Кроссбоунз?

Хотела было признаться, что именно я ее и нашла, но передумала и задала вопрос:

– Ваша знакомая?

Женщина отрицательно мотнула головой и, порывшись, вытащила из сумочки пачку «Силк кат».

– После этого я несколько ночей носа из дома не высывала.

Я представила ее лежащей в морозильнике морга: глаза широко открыты и устремлены в подкладку серебристого пластикового мешка.

– Все, в сентябре завязываю с этим делом. – Ее взгляд то смотрел куда-то в пространство, то вновь обретал фокус. – Меня приняли в колледж, буду учиться на парикмахера.

– Замечательно, – кивком одобрила я. – Кстати, как вас зовут?

– Мишель.

Я не успела назвать ей свое имя. Подъехала какая-то черная машина и мигнула фарами. Было слишком темно, и лицо водителя не разглядела.

– Это за мной. – Выражение ее лица сделалось каменным. Она бросила окурок и вдавила его в землю шпилькой.

– Спасибо за компанию, – поблагодарила я.

– Бросай-ка ты свои пробежки, милая. Не с твоим здоровьем бегать.

С этими словами Мишель торопливо подошла к машине и наклонилась, чтобы обсудить свой гонорар с очередным любителем платной любви.

Я собралась было окликнуть ее, дать денег, чтобы она шла домой, но поняла, что завтра эта женщина снова придет сюда, чтобы и дальше работать на своей «точке». Я наклонилась вперед, чтобы размять подколенные сухожилия, а когда снова подняла голову, черной машины уже не было.

\* \* \*

Когда я вернулась, Уилл все еще был дома, вместе с Лолой смотрел телевизор. В чистых, выстиранных джинсах он выглядел другим человеком. И клочковатая бороденка все-таки исчезла.

Подруга оторвала взгляд от экрана:

– Мы оставили тебе кусок пиццы, Элис.

Я прошествовала на кухню, чтобы угоститься щедрым ломтем пиццы с ветчиной и пепперони. Не успела откусить второй раз, как хлопнула входная дверь.

– Господи! – Лола выглянула из окна. – Его как ветром сдуло.

– Да, такое за ним водится, – согласилась я. – Только подумаешь, что с ним все в порядке, как от него снова несколько недель ни слуху ни духу.

В окно мы увидели, как микроавтобус сорвался с места и исчез за углом.

– Он едва начал приходить в себя, – вздохнула Лола со слезами на глазах.

– Ты сотворила чудеса, – успокоила я ее, обняв одной рукой за плечи. – Ты даже уговорила его принять ванну. Лично меня он никогда не слушает, хоть упрись. У тебя прямо сверхспособности.

– Просто хочу помочь ему.

– Пока он спал, я заглянула в его рюкзак.

– И какие же наркотики он сейчас принимает?

– Не знаю, зато я нашла у него нож. Жуткий такой, с длинным лезвием.

– Господи. Бедняжка! – Лола испуганно прижала руку ко рту.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Он чем-то напуган. Думает, что весь мир ополчился против него.

Я сделала глубокий вдох.

– Думаешь, что он когда-нибудь им воспользуется?

– Типун тебе на язык, Элис. – Глаза Лолы стали похожи на блюдца. – Это ведь наш Уилл.

Он и мухи не обидит.

Она на секунду положила голову мне на плечо, затем отправилась в ванную. Вскоре по квартире уже разносились аромат масла и – с легкой фальшивинкой – драматические рулады.

# Глава 8

На следующее утро лифт ехал ко мне несколько минут. Изнутри он был точно такой же, что и всегда: металлический контейнер, в который, как сардины в консервную банку, могут набиться, стоя плечом к плечу, шесть человек. Урчание кондиционера тотчас напомнило, что задохнуться в нем мне не грозит. Лифты похожи на гробы, но не так уж часто ими становятся. Главное, не паниковать. Чтобы не передумать, я шагнула внутрь. Пол тотчас начал крениться, и в груди предательски шевельнулся ужас.

Советы, которые я пачками раздаю моим пациентам, показались мне смехотворными: отвлекитесь, дышите ровно и спокойно, представьте, что вы в каком-то приятном, безопасном месте. Ни один мне не помог. На восьмом этаже я почувствовала себя космонавтом, засунутым в капсулу, в которой запас кислорода приближается к нулю. Стены издевались надо мной: то надвигались, то отступали, растягиваясь подобно гармошке-концертино.

Я перенеслась в каморку под лестницей, откуда невозможно убежать. Наверху слышны шаги отца, он сейчас прямо надо мной. Ощущение, что потолок вот-вот обрушится на меня. От аварийной кнопки никакой пользы. Если ее нажать, то кабина лифта немедленно встанет и я застряну между этажами. При этой мысли мне захотелось процарапать ногтями металлические стены. К счастью, на шестнадцатом этаже лифт остановился. Медсестра-стажерка с удивлением посмотрела на меня, когда я, отчаянно хватая ртом воздух, едва ли не вывалилась наружу.

[Купить полную версию книги](#)

---

---

notes



Итальянский соус из оливкового масла и сыра с базиликом.

Марвин Пенц Гэй-младший (1939–1984) – американский музыкант, певец, один из первопроходцев стиля, который принято называть ар'н'би (от англ. R&B), или «современный ритм-энд-блюз».

Поджанр «современного ритм-энд-блюза».

Аттракцион, известный черным юмором в изображении всевозможных ситуаций, связанных со смертью.

Примерно 32,7 кг.

Психическое расстройство, характеризующееся заикленностью на телесных особенностях, которые воспринимаются больными как критические недостатки, и на попытках избавиться от этих недостатков.

Английский мореплаватель и военный (1540–1596), капитан галеона «Золотая лань».

В ряде стран общий телефон аварийно-спасательных служб.

Британский сериал, действие которого разворачивается в вымышленной больнице Холби; самый длинный сериал о службе экстренной медицинской помощи (с 1986 г.).

Роман вышел в 2012 году, а уже в 2015 году мемориальный сад при кладбище был открыт.

Ароматное растение с характерными кистями цветов, часто конусообразными или напоминающими кисти сирени.

Самая крупная розничная сеть Великобритании.

Один из районов Саутварка.

Божоле-нуво – наиболее известное из бургундских молодых вин.

Скорее всего, в известном театре «Лирика».

В Хэмпстеде находится самый большой парк Лондона с отличными видами на город, архитектурно-парковым комплексом и музеем.

Современное название маниакально-депрессивного психоза.

Прерафаэлиты – группа английских художников и поэтов второй половины XIX века, выступивших против официальной эстетики и создавших свою собственную, назвавшись в честь тех итальянских художников Возрождения, чей стиль предшествовал классическому стилю Рафаэля. Прерафаэлиты (особенно Данте Габриэль Россетти) часто изображали рыжеволосых красавиц.

Примерно 1 см 25 мм.

Чуть больше 63,5 кг.

Эпохи королей Георгов I–III (формально с 1714 по 1820 г., однако с 1811 г. за Георга III фактически правил его сын, будущий Георг IV, и время его правления до самостоятельного восшествия на престол выделяется в отдельную эпоху – Регентство).

Эпохи короля Эдуарда VII, 1901–1910/14 гг.

Известный торгово-развлекательный центр в историческом здании.

Знаменитый американский фильм Артура Хиллера 1970 г., шестикратный номинант на «Оскар» и обладатель статуэтки за саундтрек, а также пятикратный лауреат «Золотого глобуса».

Битники – группа американских писателей-нонконформистов и сложившаяся под их влиянием субкультура конца 50-х. Небритость не является ярким характерным признаком ни группы, ни субкультуры; возможно, героиня имеет в виду конкретно Нила Кэссиди, романтического бродягу, мелкого преступника и наркомана, послужившего прототипом Дина Мориарти, героя романа Джека Керуака «В дороге», одного из ключевых битнических произведений.